

Великие битвы
Великой Отечественной

Сергей Алексеев

СТАЛИНГРАДСКОЕ СРАЖЕНИЕ

1942—1943

Великие битвы Великой Отечественной

Сергей Алексеев

**Сталинградское
сражение. 1942—1943**

Издательство «Детская литература»

1975

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексеев С. П.

Сталинградское сражение. 1942—1943 / С. П. Алексеев —
Издательство «Детская литература», 1975 — (Великие битвы
Великой Отечественной)

ISBN 978-5-08-005504-1

Автор – известный детский писатель, участник Великой Отечественной войны (1941–1945) – рассказывает младшим школьникам о ее главных битвах. Шесть книг серии описывают подвиг нашего народа в освобождении родной страны и Европы от фашистских захватчиков. Вторая книга серии посвящена Сталинградскому сражению (1942–1943). 70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005504-1

© Алексеев С. П., 1975
© Издательство «Детская
литература», 1975

Содержание

Сталинградское сражение. 1942—1943	7
«Ни шагу назад!»	10
Тридцать три богатыря	12
Наш Ибаррури	14
«Гвоздильный завод»	16
Ранен в бою солдат	18
Буль-буль	20
Мамаев курган	22
Волга, Волга	24
Злая фамилия	26
Данко	28
Комсомолыцы	30
Добрый знакомый	32
Знаменитый дом	34
Сталинградская оборона	36
Геннадий Сталинградович	38
Майор Устинов	41
Редут Таракуля	43
Госпиталь	45
Берлинская знаменитость	47
Вода из Волги	49
Остров Людникова	51
Титаев	54
Крепость	57
19 ноября 1942 года	59
Заждались	61
«Братцы, пустите!»	63
Если хочешь писать о героях...	65
Художник-баталист	67
«Хендехохнули!»	69
23 ноября 1942 года	71
Очень даже заслужил	73
«„Черчилля" подковал!»	75
«Зимняя гроза»	77
Белый и Черный	79
Добавили	81
Воздушный мост	83
Стальной-Соломенный	85
Минное поле	87
«Чтит и помнит»	89
Посмотреть на героев	91
Победа под Сталинградом	94

Сергей Алексеев
Сталинградское сражение.
1942–1943: рассказы для детей

Великая Отечественная война 1941–1945

Книги серии:

- ★ Московская битва. 1941—1942
- ★ Сталинградское сражение. 1942—1943
- ★ Оборона Севастополя. 1941–1943 Сражение за Кавказ. 1942—1944
- ★ Подвиг Ленинграда. 1941—1944
- ★ Победа под Курском. 1943 Изгнание фашистов. 1943—1944
- ★ Взятие Берлина. Победа! 1945

Сергей Алексеев

СТАЛИНГРАДСКОЕ СРАЖЕНИЕ

1942—1943

Сталинградское сражение. 1942—1943

Медаль
«За оборону Сталинграда»

Потерпев поражение под Москвой, летом 1942 года фашисты начали новое наступление на юге. Для продолжения войны, для танков, самолетов, автомашин, самоходных орудий нужно много горючего. Нефтью, из которой делают горючее, богат Кавказ. Для того чтобы кормить миллионную армию, необходимо много продуктов. Хлебом богата Кубань. Фашисты стремились выйти к Волге, захватить Кавказ и Кубань и отрезать их от Москвы и центральных районов России.

И конечно, они по-прежнему пытались уничтожить нашу армию и закончить войну быстрой победой.

Грозным было лето 1942 года. Собрав новые силы, фашистские полчища устремились на Дон и к Волге.

23 августа враги прорвались к Волге и начали штурм Сталинграда.

Сталинград!

Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

О героизме советских людей, защитивших в смертельной схватке с врагом Сталинград, а также о том, как развивалось начатое затем контрнаступление советских войск, как была окружена и разгромлена огромная 330-тысячная фашистская армия гитлеровского генерал-фельдмаршала Паулюса, а сам Паулюс взят советскими войсками в плен, вы и узнаете из рассказов, составивших эту книгу.

«Ни шагу назад!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. Шестнадцать солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

– Ни шагу назад! – поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой – жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

– Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

– Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии: Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шук-
томов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки все ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнем затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел еще раз на Гущина, Бурдова – они были его соседями по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

– За Родину! – крикнул герой. Бросился вперед навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опаленные боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гушин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гушин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

– Нас не возьмешь! – прокричали солдаты.

Рванулись вперед герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

– Свобода дороже жизни!

Вот они четверо – на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

– Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв.

Еще взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попяtilись танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит, как ветер. Годы текут, как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии: Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

Тридцать три богатыря

Их было тридцать три. Как в сказке. Тридцать три богатыря. Тридцать три отважных советских солдата. Западнее Сталинграда защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперед прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение.

Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семен Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

– А ну, расскажи, расскажи про геройство, – атаковали его солдаты.

Засмутился Семен Калита:

– Да я... Да что я... Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно – рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

– А ну, расскажи, расскажи про геройство.

Засмутился Иван Тимофеев:

– Да я... Да что я... Вот Владимир Пасхальный – вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхальный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Не отпускают солдаты Пасхального:

– Ну, ну, расскажи про подвиг.

Засмутился Владимир Пасхальный:

– Да я... Да что я... Вот товарищ младший политрук Евтифеев – вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка.

Поражаются солдаты:

– Вот это да!

– Вот так стрелок!

– Провел, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

– Товарищ Евтифеев, расскажи про геройство.

Усмехнулся Евтифеев, начал рассказывать.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалеве, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрие Пуказове и о других бойцах.

– Про себя, про себя! – закричали солдаты.

Засмутился Евтифеев.

– Да я... – Глянул вокруг, увидел Семена Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк. – Вот пусть вам Семен Калита про себя расскажет. Он всему положил начало...

...Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко.

Доложили о подвиге 33 отважных генералу Еременко:

– Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

– Двадцать семь?

– Так точно, двадцать семь.

– Герои, – сказал Еременко, – герои. – Помолчал, добавил: – А то, что смерть победили, что жизнь сберегли, – дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря – так и окрестили солдаты героев прославленной высоты. А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

Наш Ибаррури

У стен Сталинграда, защищая его от фашистов, смертью храбрых пал молодой боец, испанец по национальности, старший лейтенант Рубен Ибаррури.

Рубен Ибаррури был сыном пламенной испанской революционерки Долорес Ибаррури.

В 1936 году испанские фашисты подняли вооруженный мятеж против законного республиканского правительства Испании. В те дни многие добровольцы из Советского Союза уехали в далекую Испанию, чтобы с оружием в руках помогать испанскому народу бороться за свою свободу. Теперь, когда немецкие фашисты напали на нашу Родину, испанский юноша Рубен Ибаррури взял оружие в руки и пришел на помощь своим советским братьям.

Рубен Ибаррури – командир пулеметной роты. Был он смел и решителен. Любили его солдаты, называли: «Наш Ибаррури».

Рубен Ибаррури был не только командиром, но и очень дружил с бойцами своей роты. Об Испании им рассказывал, вместе напевали стихи о Гренаде:

Гренада, Гренада, Гренада моя!

Это стихи о том, как молодой красный боец в годы Гражданской войны, защищая от врагов молодое Советское государство, мечтал о счастье и для испанских трудящихся.

Есть в этих стихах такие слова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

Рубен Ибаррури очень любил и эти стихи, и эти слова, и припев про Гренаду:

Гренада, Гренада, Гренада моя!

Только пел Ибаррури:

Россия, Россия, Россия моя!

Рубен Ибаррури очень любил Россию, которая стала для него второй родиной, и теперь шел за нее в бой.

Рота, которой командовал старший лейтенант Рубен Ибаррури, сражалась у станции Котлубань. Сложилось так, что именно сюда был нацелен один из фашистских прорывов.

Вступили пулеметчики в бой. Ибаррури появлялся в самых опасных местах. Весь он – в лихом, в боевом порыве.

– Испанская кровь, – говорят пулеметчики.

– Комсомольская кровь, – говорят другие.

И все вместе:

– Наш Ибаррури.

Не пропустили пулеметчики врага к Котлубани.

Узнали старшие командиры об успехах пулеметной роты. Тоже вспомнили ее командира.

И тоже сказали:

– Наш Ибаррури!

Тяжелые бои развернулись у стен Сталинграда. Солдаты не знали отдыха, переходили из боя в бой. Так и пулеметная рота старшего лейтенанта Рубена Ибаррури.

И вот новый бой у хутора Власовка. Наступали фашисты. Штурмовали нашу пехоту. И вдруг пулеметный огонь. Это на помощь пехотинцам пришли пулеметчики. Застрочили, заработали пулеметы. Прислушались пехотинцы. Знали они, кто командует пулеметной ротой.

– Это пришел Ибаррури!

Пули не знают выбора. Войны не знают милости. Здесь, в бою под хутором Власовка, и погиб смертью храбрых Рубен Ибаррури.

Склонились бойцы над могилой своего молодого командира:

– Прощай, наш дорогой Ибаррури.

Застыли солдаты. Стоят в молчании. Честь отдают командиру.

Прошла минута. Вышел вперед один:

– Прощай, Ибаррури. Жизнь ты прожил короткую, а память оставил долгую.

Старшему лейтенанту Рубену Ибаррури за его подвиг в боях под Сталинградом было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Не ошиблись солдаты: живет вечная память у нас в народе о молодом отважном испанском бойце Ибаррури.

«Гвоздильный завод»

Бои шли на улицах Сталинграда. Недалеко от вокзала в подвале одного из домов солдаты обнаружили склад с гвоздями. «Гвоздильный завод» – в шутку называли солдаты дом.

Вместе с другими здесь сражалась группа солдат во главе с младшим лейтенантом Колегановым. Не все здание находилось у советских воинов. Часть – у фашистов. Глухая стена разделяла две половины.

Стреляют бойцы из окон. Ведут огонь на три стороны. Четвертая – и есть та глухая стена, которая отделяет их от фашистов. Спокойны солдаты за эту сторону. Стена кирпичная, толстая, ни окон нет, ни дверей. Хорошо за плечами такую защиту чувствовать. Среди солдат – Василий Кутейкин. И ему хорошо оттого, что стена защищает сзади.

И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль, показался огромный проем в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас последует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждет, а взрыва все нет. Приоткрыл он глаза. Видит: схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проем, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит: вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждет он бесславной смерти. «Раз, два, три», – про себя считает. А взрыва все нет. Открыл Кутейкин глаза – взрыва нет и гранаты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад, к фашистам. Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не

он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела еще одна. Смотрит – и вправду летит граната.

– Моя! – закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу:

– Не подходи – моя!

Схватил гранату и тут же ее туда – к фашистам за стену.

Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувшинов и рядовой Пересветов.

Подбежали солдаты затем к проему. Открыли огонь из винтовок и автоматов. Когда закончился бой и утихли выстрелы, подошли, заглянули бойцы в проем.

Там, громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов.

– Да, нагвоздили, – произнес младший лейтенант Колеганов.

Улыбнулись солдаты:

– Так ведь «гвоздильный завод».

Много в Сталинграде таких заводов. Что ни дом, то для фашистов «завод гвоздильный».

Ранен в бою солдат

Лежал он без стога, без крика, без плача. Ранен в бою солдат. Кровь сквозь рубаху сочится.

Окраина Сталинграда. Полуразрушенный дом. Третий этаж. Лежит на полу солдат.

Сражался солдат в составе родного стрелкового взвода. Обороняли вот этот дом. Вдруг прибыл приказ – занять бойцам по соседству другие позиции. Двинулись воины к новому месту. Солдат прикрывал переход. Покинули дом боевые друзья. Сделал выстрел последний солдат. Хотел устремиться за всеми следом. В эту минуту его и ранило. Вскрикнул. Согнулся. Упал солдат.

Лежит на полу солдат. Из раны кровь сочится.

Утихает за окнами бой. Передвинулась дальше стрельба – туда, куда ушли боевые товарищи.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает.

Вот Вася Сидоркин. Родом они из одного заводского поселка. Вместе на фронте с первого дня войны. Отходили по огненным дорогам тогда солдаты. В бою под Минском был ранен боец. Вынес с поля боя, унес от смерти друга тогда Сидоркин.

Вот ефрейтор Семен Капусто. Под Вязьмой вместе они сражались. Попали бойцы в окружение. Недельку снегами брели по ночам к своим. Одним на двоих сухарем питались.

Вот Такен Токобаев. Это с Такеном они вдвоем привели «языка» под Можайском. Породнила судьба солдат. Вместе вручили героям тогда медали.

Вот Самойлов, Ильин, Головин. Вместе громили фашистов они под Москвой. Испытали радость победы вместе.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. До слез обидно лежать солдату. Там где-то дальше на улице бой. Там в смертной схватке с врагами сошлись товарищи. Как же помочь друзьям?

Приподнялся солдат. Но тут же от боли вскрикнул. Опять опустился на пол. Прошла минута. Вновь приподнялся. Боль пересилил. Встал. Сделал шаг, сделал два к окну. Взял винтовку. Высунул дуло в проем окна. Выбрал цель. Спустил курок. Щелкнул курок – и только. Прикрывая своих, растратил воин последние патроны. Нечем сражаться солдату.

Опустился боец на пол. Покидают солдата последние силы. Все сильнее сочится кровь.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. Все громче и громче слышна стрельба. Нелегко там сейчас товарищам. Чем же отвлечь фашистов?

Глянул боец на раны. На рубаху. И вдруг мысль осенила солдата. Собрал он последние силы. Рванул гимнастерку. Скинул рубаху. Оторвал от рубахи солдат полотнище. Провел им по ранам. Цветет кумачом полотнище. Покрылось солдатской кровью.

Подобрался солдат к окну. К винтовке, к штыку прикрепил материю. Высунул штык в окно. Рубином зажглось полотнище. Затрепетало оно по ветру. Заиграло, забилося в небе.

Не ошибся солдат. Увидев красное знамя, вновь повернули сюда фашисты. Забили опять снаряды. Зацокали снова пули.

Не утих, продолжается бой у дома. Реет над домом красное знамя. Рубином фашистов бьет. Где-то за домом гремит «ура!». Это в атаку идут товарищи. Но не видел, не слышал того солдат. Закончил свой путь боевой солдат. До конца исполнил свой долг солдатский.

Лежал на полу солдат. А рядом знамя, как часовой, стояло.

Буль-буль

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге.

Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь.

Сидит фашист в своем укрытии, выкрикивает:

– Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

– Рус, завтра буль-буль. – И уточняет: – Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

– Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

– Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

– Не трожь! – строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивленно. Пожал плечами. Отвел винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», – поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать.

Вдруг видят: кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят – сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок, рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

– Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

– Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты – верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый – «буль-буль». Только не ползет он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше, в штаб.

Однако дорогой побежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

– Буль-буль, буль-буль! – кричит озорно Турянчик.

Буль-буль – пускает фашист пузыри. Трясется, как лист осиновый.

– Не бойся, не бойся, – сказал Носков. – Русский не бьет лежащего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощание фашисту Носков рукой.

– Буль-буль, – прощаясь, сказал Турянчик.

Мамаев курган

Лейтенант Чернышов – красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган – самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперед.

– Вперед! Вперед! – до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов. Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

– Вперед!

Лежат солдаты, не поднимаются.

– Вперед! – кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. – Вперед! Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

Саблей сломались брови. Скулы коречат рот.

– Вперед! – кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

– Они же мертвые, товарищ лейтенант, – тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял: солдаты мертвые. Живы только они вдвоем – он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь, внизу у кургана, назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвертый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет – страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно, устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку – сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

– В атаку! – снова прошла команда.

Снова к вершине ведет Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит – раскатом грома гремит «ура!». «Что бы такое?» Решает – причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги, с левого берега, пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

– Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили.

В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

– Все же наша взяла, – произнес лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские черные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови все так же дугой, как месяц.

Волга, Волга

Волга, Волга. Стрежень, плесы. Ширь речная. Ширь и гладь. Ты ходила, как невеста. Ленты в косах. Травы в росах. В сарафанах берега. Ты шинель теперь надела. Волга – русская река.

Еще 23 августа 1942 года фашистам удалось прорваться к Волге севернее Сталинграда. В последних числах сентября они пробивались к Волге и в южной части города.

Прижали фашистские войска советских воинов к реке. С севера не подойдешь, с юга не подойдешь. Одна открытая сторона – волжский берег. По Волге и снабжались всем необходимым защитники Сталинграда. Оружие и пополнение, боеприпасы и продовольствие – все это шло в Сталинград с левого заволжского берега сюда, на правый.

И еще одно. С правого берега на левый перевозили раненых.

Трудны и опасны сталинградские переправы. Артиллерия неприятеля бьет с берега. Рыщут в небе, выжидают добычу фашистские самолеты. Сорвать переправы, оставить сталинградцев без помощи – задача врага. А переправы живы. День и ночь гудят переправы. Много прославленных здесь судов.

Катер «Четвертый» шел к сталинградскому берегу. Вез оружие, боеприпасы, в это время фашистские самолеты подорвали в городе нефтебазу. Устремилась в Волгу горящая нефть. Разбежалась она, растеклась по воде. Как факел пылает Волга. Катер «Четвертый» был схвачен огненной бурей. Видели люди с берега, как скрылся «Четвертый» в лавине дыма и пламени.

– Верная гибель!.. – вздохнули на берегу.

И вдруг – есть чудеса земные. Прорвался сквозь невозможное катер. Проскочил и огонь и смерть.

– Спасла его Волга! – крикнули люди.

– Силы ему дала!

Катер «Лейтенант Здоровцев» перевозил с правого берега раненых. Сто пятьдесят человек на палубах. Заметили фашисты катер, открыли ураганный огонь из пушек. Сразу в трех местах пробило судно снарядами. Три пробоины – верная смерть. Смотрят люди на катер с берега. Вот все ниже он, ниже опускается в воду. Вот волна подступила к палубам.

Замерли люди. Захлестнет сейчас катер. Вот он, последний миг.

Но снова свершилось чудо. Устоял «Лейтенант Здоровцев». Дошел он до левого берега. Сдал драгоценный груз.

– Волга на руки его подхватила, – вот что бойцы сказали. – Бережно к берегу донесла.

Много на Волге судов-героев. Пароходы «Емельян Пугачев», «Генерал Панфилов», «Спартаковец», «Ласточка», бронекатер № 61, катер «Ерик», баркас «Абхазец», баржа «Связист». Это не все. Это всего лишь немногие.

Не счесть оружия, боеприпасов и разных военных грузов, которые были переправлены через Волгу на правый огненный берег в дни Сталинградской битвы.

Не счесть и всех тех раненых, которых спасла Волга от верной гибели, переправив с правого – сталинградского на левый – заволжский берег.

– Кормилица наша, спасительница! – говорили солдаты тогда про Волгу. – Ты отныне не простая. Ты гвардейская река!

Злая фамилия

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия. Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, – первый вопрос:

– Фамилия?

– Трусов.

– Как-как?

– Трусов.

– Д-да... – протянули работники военкомата. Попал боец в роту.

– Как фамилия?

– Рядовой Трусов.

– Как-как?

– Рядовой Трусов.

– Д-да... – протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутики да прибаутки:

– Видать, твой предок в героях не был.

– В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идет раздача прибывших писем. Называют фамилии:

– Козлов! Сизов! Смирнов!

Все нормально. Подходят солдаты, берут свои письма. Выкрикнут:

– Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

– Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, – сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемет. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемет.

– Молодец! – похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты еще несколько шагов. Снова бьет пулемет.

Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулеметчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

– Герой! – сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вел огонь рядовой Трусов.

– О-о! – вырвалось у командира отделения. – Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награжден медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит – глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

– За что награжден, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская – дела человека красят.

Данко

Данко – сказочный герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в темном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце, «пыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям».

Сталинград – необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда, в заводской район, и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломила силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен комсомолец матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Матрос как матрос. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клеши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь, в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулеметы. У матросов одни гранаты. И те на исходе. Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулеметов, брони и пушек. Но вот наступил момент – нет у Паникахи больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаху. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занес бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаху. Мгновение – и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

– Нет, не пройти фашистам! – прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занес бутылку. Ударил по решетке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

...Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Многие стерла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живет, не старея, память о подвиге Паникахи.

Сталинградский Данко – назвали его товарищи. Таким он вошел в историю.

Комсомольцы

Так-то в минуту отдыха в окопах на сталинградских высоких кручах собрались бойцы-комсомольцы.

Слово за словом, порассуждали о том о сем. О боях, о погоде, о письмах из дома, о старшине, о командире взвода. О «катюшах», начпрODE, о новых советских танках, о статьях в дивизионной своей газете. Потом помолчали, посидели, покурили и вдруг заговорили о том, есть ли уважительная причина, чтобы комсомольцу оставить вдруг поле боя.

– Нет, – большинство сказала. – Нет для комсомольца таких причин.

И все же один нашелся.

– Нет, есть, – заявил один.

Повернулись к нему другие.

– А вдруг как ранен? – сказал боец.

– Комсомолец и здесь не покинет боя! – сказали ему другие.

– А вдруг как в желудке резь?

– Перетерпит, – бойцы сказали.

– А вдруг как вызвали срочно в штаб? – не сдается солдат упрямый.

– Так кто же вызовет с места боя?

– А вдруг!.. А вдруг... – насаждает опять солдат.

– Пошли к комсorghу, да что тут спорить, – кто-то тогда сказал.

– Верно, пошли к комсorghу.

Пошли комсомольцы к комсorghу. К комсомольскому организатору. О споре своем рассказали.

Выслушал их комсорг.

– Уважительная причина? – переспросил.

– Уважительная.

– Есть! – заявил комсорг.

– Уважительная?!

– Уважительная.

Торжествует упрямый спорщик:

– Так что же я вам говорил?!

– Есть такая причина, – сказал комсорг. Посмотрел на молодых бойцов: – Есть. Эта причина – смерть.

В тот же день в окопах на волжских высоких кручах состоялось комсомольское собрание. Было оно недлинным.

Вот протокол собрания.

«Слушали: О поведении комсомольцев в бою.

Постановили: В окопе лучше умереть, но не уйти с позором.

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: Из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание – смерть».

Закрылось собрание. Не до длинных было тогда собраний. Бой ожидал молодых бойцов.

Добрый знакомый

Запомнился танк рабочим. Добрым знакомым стал.

Бои идут рядом с тракторным заводом. Стараются фашисты захватить Сталинградский тракторный. Бьют по заводу из пушек. Бомбят его с воздуха. Однако стоит, держится тракторный. И не только держится, но и работает. Там, где цеха разрушены, работа идет под открытым небом. Стоят у станков слесари, токари, механики. А рядом стоят винтовки. Если возникнет нужда, к бою готовы рабочие.

Гудит, шумит, не умолкает Сталинградский тракторный. Кипит работа и днем и ночью. Только, конечно, не тракторы выпускает сейчас завод. Стал он заводом танковым. Привозят сюда подбитые, искалеченные, обгоревшие танки. Возвращают им жизнь рабочие.

Прибуксировали как-то на завод и танк под номером 214. Восстановили его рабочие. Отремонтировали. Ушел он снова на поле боя.

Прошло несколько дней. Новые танки прибыли на завод. Глянули рабочие – среди них тот самый, 214-й.

– А, старый знакомый. Здравствуй! – приветствуют танк танковые мастера.

Восстановили рабочие танк. Загудел он опять мотором. Ушел за заводские ворота, отважно ринулся снова в бой.

Все жарче, жарче кругом сражения. Справа и слева, среди рвов и оврагов, среди ближних холмов и курганов и дальше за ними, куда лишь хватает глаз, грохочет пламя огромной битвы.

Снова проходит несколько дней. И снова рабочие на заводском дворе видят танк 214-й. На башне трещина. Накренился на правую сторону: перебита у танка гусеница. Узнали знакомого рабочие.

– Что же ты, старина?

– Да так уж случилось, – ответил танк.

Подлечили рабочие танк. Швы на броню положили.

Надели новую гусеницу.

Кивнул благодарно, прощаясь, танк. И снова туда, где вскипает битва. Бьется отважно танк. Бросается в самую гущу схваток. Смело идет на фашистские пушки. Давит, утюжит фашистских солдат. Прикрывает своих броней, словно рыцарь щитом и латами.

Снова проходит день. Все сильнее, сильнее битва. В ранах опять и в шрамах пересекает заводские ворота танк. Пригнулся он весь, ссутулился. Башню склонил, как голову. Казалось, перед рабочими извиняется.

– Не грусти, старина, – говорят мастера. – Всякое в жизни бывает.

– Как же таким я в бой?

– Подлечим, браток, подлечим.

Вновь воскресили рабочие руки танк. Полная сил и задора, уходит машина в бой. Смотрят рабочие танку вслед.

– Нашивки б ему за ранения. Орден ему за подвиги.

И танк о рабочих думает: «Памятник им в века за их золотые руки».

Знаменитый дом

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Минометным огнем, словно дождем, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался. Не пал на колени дом.

Защищали его солдаты огромной нашей страны. Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далекой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запекает таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о ее колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Вот такая твоя страна. Вот такая она огромная!

Русский, татарин, грузин, узбек за общую родину бьются.

Здесь, на Волге, решается все: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Обжились солдаты в доме. Даже баню в подвале себе устроили.

– Сандуны! Сандуны! – смеются солдаты. (Сандуны – это московская лучшая баня.)

– Точило! Точило! (Это тбилисская лучшая баня.)

Хорошо помыться солдатам в бане. На десять сражений вперед зарядка. Кричат фашистам:

– А ну к нам в баню!

Молчат фашисты. Боятся бани.

Второй месяц атакуют фашисты дом. Изводят батальоны свои и роты. Стоит, не дрогнет упрямый дом. Кинжальным клином в оборону фашистов врезался.

По траншеям, по скрытым ходам сообщений нет-нет да и приходят к солдатам гости. То разведчики, пробираясь в тылы к фашистам, задержатся тут на минутку. То минеры пройдут, то отряд минометчиков.

– Как тут у вас, гарнизон, дела?

– Служба идет, и солдат не дремлет, – отвечают бойцы с достоинством.

Стоит на виду у фашистов дом. Как мозоль на ступне, как бельмо на глазу. Не дает он врагам покоя. Начинают фашисты атаку.

– Не возьмешь! – отвечают бойцы фашистам.

– За нашу Родину! – открывают огонь по врагам.

И летят во врагов гранаты.

– За то, чтобы цвести державе!

– За свободу!

– За радость встреч!

– За Родину нашу – страну Россию!

Бьются в общем строю солдаты. Стоит нерушимо дом. За атакой идет атака. Отбивают бойцы атаки.

Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют Домом Павлова. Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идет с фашистами бой-сражение.

– Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! – командует сержант Яков Павлов. – Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

Сталинградская оборона

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков – боевой, решительный генерал.

Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника 300 метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

– Товарищ командующий, противник рядом, – доложили Чуйкову.

– Вот и прекрасно, – сказал Чуйков. – Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада – открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолеты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделью над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

– Опасно, товарищ командующий, – рядом огонь!

– Вот и отлично, – сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. – Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бывают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

– Товарищ генерал, да где это видано – осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

– Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтowej витамин на злость.

– Витамин! – пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты – боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона – это атака. Атакует все время Чуйков противника. Не дает фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командиру, ждет указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления – как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает:

– Так-так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!

Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провел стрелку.

– Вот здесь, – сказал, – завтра вместе с соседом справа начнете атаку. Цель – уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

– Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий, а не оборона.

– Нет, оборона, – сказал Чуйков. – Сталинградская оборона.

Чуйков – атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Василий Иванович Чуйков стал Маршалом Советского Союза.

Геннадий Сталинградович

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боев, среди дыма, металла, огня и развалин, солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

– Как тебя звать?

– Гена.

– Сколько ж тебе годов?

– Пять, – важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышленным был мальчик. Прошел всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Знает кроха, что командующий армией генерал-лейтенант Чуйков – Василий Иванович. Начальник штаба армии генерал-майор Крылов – Николай Иванович. Член Военного совета армии дивизионный комиссар Гуров – Кузьма Акимович. Командующий артиллерией генерал Пожарский – Николай Митрофанович. Начальник бронетанковых войск армии Вайнруб – Матвей Григорьевич.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

- Здравствуйте, Павел Васильевич!..
- Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..
- Здравия желаю, Семен Никодимович!..
- Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые – все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

– Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

- Здравия желаем, Геннадий Сталинградович! Доволен мальчишка. Надует губы:
- Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

- На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

- Доброй дороги тебе, Сталинградович!
- Сил набирайся!
- Мужай!
- Расти!

– Честь с юных лет береги, Сталинградович! Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку и снова к ратным своим делам. Словно бы не было мальчика, словно бы сон привиделся.

Майор Устинов

Не утихают бои в Сталинграде. Сентябрь проходит, а город сражается. Октябрь на улице, а город сражается.

Летят из Берлина грозные предписания:

«Взять Сталинград! Взять Сталинград! Сутки – и чтобы взять!»

14 октября 1942 года фашисты начали новое наступление. Снова сила крушила силу. Упорство сошлось с упорством. И снова от страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. Стонала земля от боли. От ожогов кричало небо.

Неравны по-прежнему силы. Пал Сталинградский тракторный. Фашисты прорвались к заводу «Красный Октябрь». Бои развернулись на территории завода «Баррикады».

Десять дней не утихает ужасный бой. Идет он в цехах, корпусах, отделах – за каждую пядь заводской земли. Москитной тучей висят над заводскими трубами фашистские самолеты. Пушки бьют очумело прямой наводкой.

Вместе с другими завод «Баррикады» защищал и 895-й стрелковый полк. Здесь же, на территории завода, находился и командный пункт командира полка майора Устинова.

Прорвались фашисты к командному пункту. Все ближе и ближе бой. Вот совсем рядом раздаются голоса и крики фашистских солдат. Все меньше и меньше кругом защитников. И вот наступил последний момент – майор Устинов один остался.

Заполнили фашисты заводской двор. Все больше их, больше и больше. Левее командного пункта, правее, перед ним, а вот уже и за ним. Черно кругом от фашистских мундиров.

«Эх, рвануть бы «катюшами», – подумал майор Устинов. Подумал и тут же бросился к рации. Торопится наладить связь с артиллеристами. Наладил.

– Дорогие! – кричит Устинов. – Умоляю – залп реактивными! По скоплению неприятеля. Верная цель.

И тут же сообщает координаты, то есть то место, куда стрелять. А место это как раз и есть то самое, где находится командный пункт полка и на котором майор Устинов сейчас стоит.

– Стреляйте! – кричит Устинов. – Стреляйте!

Заметили фашисты советского майора. Бросились к нему:

– Рус, сдавайся! Рус, капут!

– Стреляйте!

Рванули «катюши». Огнем осветили небо. Словно плуги по пашне, по рядам фашистов прошли снаряды. Молодцы, точны артиллеристы. Без отклонения в цель попали. Взрыли «катюши» землю, кирпич и камни. Уничтожили все живое.

А как же майор Устинов?

Цел, невредим. Стоит улыбается. Словно бы он заколдованный. Словно бы он замороженный.

Недаром безумству храбрых гимны народ слагает. Недаром в песне одной поется: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

Редут Таракуля

Таракуль – это фамилия. Сержант Юрко Таракуль по национальности молдаванин. «Редут» – старинное слово, означает оно – укрепление.

Пулеметчики Юрко Таракуль и Михаил Начинкин занимали оборону в одном из старинных купеческих особняков.

Особняк стоял на уличном перекрестке. Позиция для обороны была удобной. Как на передовой пост, сюда и пришли пулеметчики.

Начинкин в прошлом рабочий-металлист, токарь по профессии. Таракуль жил в селе, выращивал виноград.

Смеется Юрко Таракуль. Называет Начинкина и себя: «Рабоче-крестьянское подразделение».

Заняли бойцы позиции на первом этаже. Каждый выбрал себе по комнате. Разобрали печь, заложили кирпичами окна, лишь небольшие просветы – амбразуры – для пулеметных стволов оставили.

Дождались пулеметчики, когда появились на перекрестке улиц фашисты, открыли огонь по врагам.

Ответили фашисты огнем на огонь. Пошли в атаку на дом автоматчики. Да только крепкими были стены у купеческого особняка, меткими были бойцы-пулеметчики. Не получается ничего у фашистов.

Сидят Таракуль и Начинкин в своих персональных комнатах. Проверяют: здоровы ли, целы. Подают голоса друг другу, словно в лесу аукаются.

– Ау-у! – кричит Таракуль.

– Ау-у! – отвечает Начинкин.

Не осилили дом автоматчики.

Прибыл минометный расчет к перекрестку. Взвились со свистом мины. Градом железным бойцов осыпали.

Живы бойцы, невредимы.

– Ау-у!

– Ау-у! – несется из комнаты в комнату.

Подкатали к перекрестку враги орудия. Сразу три пушки. Открыли из пушек огонь по дому. Пробили снаряды стены, посыпалась штукатурка.

– Ау-у! – кричит Таракуль. – Ау-у!

Не ответил ему Начинкин.

Бросился Таракуль в соседнюю комнату. Видит – ранен Начинкин. Лежит, истекает кровью. Перевязал Таракуль Начинкину рану. Смотрит, куда бы укрыть солдата. Соображает – в подвал. Спустился в подвал с Начинкиным. Потом вернулся. Перенес пулеметы.

Оборудовал Таракуль в подвале две бойницы. Установил пулеметы. И снова по фашистам ведет огонь. То из одного пулемета боец стреляет, то быстрее бежит к другому, открывает огонь из этого.

– От меня, от Начинкина!.. От меня, от Начинкина! – выкрикивает Таракуль.

Не могут фашисты никак за перекресток продвинуться. Пришлось вызывать самолеты.

Пришли самолеты. Спикировали на дом, сбросили бомбы. Не устояли стены. Рухнули. Завалили подвал обломками.

Подвал завалили, а бойницы остались целы. Сохранились и оба пулемета.

Думали фашисты – все покончено с домом. Двинулись на перекресток. Только вышли – огонь из развалин. Перебегает Таракуль от пулемета к пулемету:

– От меня, от Начинкина!.. От меня, от Начинкина!

Три дня сражался отважный воин. На третьи сутки в одной из атак к развалинам купеческого особняка прорвались наши солдаты. Слышат Таракуль и Начинкин наши, русские голоса. Закричали и сами.

Подбежали солдаты к подвалу.

– Братцы, тут наши, никак, сидят!

Но как же войти в подвал? Все забито, зарыто, засыпано. Только бойницы одни торчат.

Явились саперы. С трудом отрыли они пулеметчиков. Даже взрыватели применили.

Вышел из подвала Таракуль. Вынесли на носилках Начинкина.

Посмотрел саперный начальник на остатки купеческого особняка, на стены-скалы, на камни-глыбы, сказал:

– Редут!

– Редут! – поддержали его другие.

– Редут Таракуля, – сказал Начинкин.

Госпиталь

Солдат Шараф Кулиев был ранен в бою за тракторный завод. Переправили его на левый берег Волги. А оттуда эвакуировали в тыловой госпиталь под Уфу. Оформляют солдата в госпиталь. Задают вопросы. В том числе и такой:

– Откуда прибыл?

– Из Сталинграда, из госпиталя пятьсот два, – отвечает солдат.

– Откуда-откуда?

– Из госпиталя пятьсот два, – повторяет солдат. Удивляются врачи. Нет под Сталинградом такого госпиталя.

– Нет такого госпиталя, – говорят солдату.

– Нет, есть, – отвечает Шараф Кулиев.

– Ошибаетесь, товарищ боец. Нет такого госпиталя, – повторяют врачи.

– Нет, есть, – стоит на своем солдат.

Решили не спорить медики с раненым. Ясно врачам, что солдат ошибся.

Прошел день. Вновь поступила под Уфу группа раненых бойцов из-под Сталинграда.

– Откуда прибыли? – задают и этим врачи вопрос. – Из госпиталя пятьсот два, – отвечают солдаты. – Откуда-откуда?

– Из госпиталя пятьсот два, – повторяют солдаты. – Нет такого госпиталя, – говорят врачи.

– Нет, есть, – утверждают солдаты.

Смутились медики. Решили перепроверить. Навели справки. Перепроверили. Нет под Сталинградом такого госпиталя.

– Нет, есть, – стоят на своем солдаты.

Прошло еще несколько дней. Новая группа сталинградских солдат прибыла под Уфу.

- Откуда прибыли? – задают обычный вопрос врачи.
- Из госпиталя пятьсот два, – отвечают солдаты. – Из-под Сталинграда.
- Что?

Смотрят врачи на бойцов. Сговорились, шутят, что ли, над ними солдаты.

- Нет же такого госпиталя, – объясняют врачи.
- Нет, есть, – улыбаются солдаты. – Мы же оттуда.

Приподнялся один на носилках – весь в бинтах, пожилой, с усами:

- Есть, родимые, есть. Имеется.

Поражаются медики. Решили еще раз перепроверить. Послали запрос под Сталинград. Вскоре пришел ответ.

«И нет такого госпиталя, – значит в ответе, – и есть».

Вовсе сбиты с толку теперь врачи. Как же понять ответ?!

А дело вот в чем. На левом берегу Волги, как раз напротив тракторного завода, стоял домик бакенщика. Жили в нем бакенщик Семен Михайлович Пряхин и его жена Евгения Федоровна. Все погибло от артиллерийского огня на берегу. А домик уцелел. Не брали его снаряды. Вот и повелось, что здесь, в этом домике, и делали первую остановку раненые бойцы, когда их перевозили со сталинградского берега, от тракторного завода. Здесь они дожидались машин. Случалось, на день, на два оставались тут раненые. Ухаживали за ними Семен Михайлович и Евгения Федоровна. Сил не жалели. Кормили, поили, перебинтовывали.

Домик бакенщика имел свой номер. Числился он как пост № 502. Запомнили солдаты этот номер. Окрестили бойцы домик бакенщика госпиталем. Вот и появился новый госпиталь.

Многим помог самозванный госпиталь. Спасибо, Семен Михайлович, спасибо, Евгения Федоровна. За доброе дело – поклон вам низкий.

Берлинская знаменитость

Много прославленных снайперов было на Сталинградском фронте: Виктор Медведев, Гильфан Авзалов, Анатолий Чехов... Самый известный – Василий Зайцев. Почти 300 убитых фашистов на счету у знаменитого снайпера.

Решили фашисты уничтожить меткого стрелка. Назначили большую награду тому, кто убьет советского снайпера. Только осмотрителен, опытен Зайцев. Никак не удастся определить фашистам, откуда, с какого места солдат стреляет. Меняет боец позиции. Сегодня сидит в окопе. Завтра за каменной кладкой подвала укроется. Из окон разбитого дома стреляет он на третий день. Забравшись под брюхо сгоревшего танка, бьет по врагу на четвертый.

Не помогает обещанная награда. Нет среди фашистов под Сталинградом стрелка, который был бы равен Василию Зайцеву.

Увеличили фашисты награду. Рыщут повсюду охотники. Только нет никому удачи. Нет среди немцев под Сталинградом стрелка, который смог бы осилить Зайцева.

Досадно фашистам. Вспомнили гитлеровские командиры, что в Берлине есть знаменитый немецкий стрелок майор Конингс – руководитель школы фашистских снайперов. Вызвали срочно Конингса в Сталинград. На специальном самолете прибыл берлинский снайпер.

Узнал Конингс фамилию русского умельца.

– Зайцев? Хо-хо! – рассмеялся.

Сыскался среди немецких солдат находчивый:

– Господин майор, есть среди них и Медведев!

А Виктор Медведев и вправду после Василия Зайцева был самым метким стрелком на фронте.

Понял шутку берлинский гость:

– О-о!

Конингс рослый, плечистый. На шее – Железный крест.

Смотрят немецкие солдаты на Конингса – вот кто покончит с Зайцевым. А заодно и с Медведевым, Авзаловым, Чеховым...

И вот сошлись майор Конингс и Василий Зайцев в снайперской схватке.

Осторожен, сама осторожность Конингс. Зайцев еще осторожнее.

Глазаст Конингс. Зайцев еще глазастее.

Терпелив Конингс. Зайцев еще терпеливее.

Четыре дня сидели стрелки друг перед другом. Ждали, кто первым выдаст себя, кто первым допустит промах.

Идет Конингс на разные хитрости. Все пытается сделать так, чтобы советский снайпер хоть бы на секунду из-за укрытия высунулся. И Зайцев о том же думает: как бы заставить майора Конингса на секунду оставить свое укрытие.

Хитер Конингс. Зайцев еще хитрее. Подозвал он к себе солдата Николая Куликова, наставляет: сиди, мол, со мною рядом. Возьми палку, надень каску на палку, чуть высунь ее из окопа. Если грянет выстрел, вскинь руки, вскрикни и падай.

– Ясно?

– Ясно! – солдат ответил.

Высунул Куликов из окопа каску, и сразу по каске – пуля. Вскинул, как договорились, Куликов руки, вскрикнул и повалился на дно окопа. Рад Конингс своей удаче. Уверен, что поразил Зайцева. Любопытно ему посмотреть: высунул голову из-за укрытия, глянул. Глянул – и тут же пуля Василия Зайцева сразила майора Конингса.

Лежит неподвижно на сталинградской земле берлинская знаменитость. На шее Железный крест надгробным крестом торчит.

Вода из Волги

Обер-лейтенант Карл Иоганн Мария Нушке дал клятву напиться воды из Волги.

Поклялся отцу и деду. Поклялся невесте. Отцу невесты. Соседу. Соседке. Служивцам по части. Командиру части. В ресторане швейцару. Почтальону. Лифтеру. Поклялся родному дому.

Прибыл Нушке на фронт недавно. Туго фашистам под Сталинградом. Гонят сюда пополнение за пополнением. Из ближних, из дальних мест. Карл Иоганн Мария Нушке приехал из немецкого города Бремена. Попал Карл Иоганн Мария Нушке в заводской район Сталинграда. По-прежнему рвутся тут к Волге фашисты. Рвется со всеми вперед и Нушке. Он клятву недавно дал. Волга рядом – рукой подать. Триста каких-то метров.

Собрали фашисты свежие силы. Прорвались к Волге и здесь, в заводском районе, захватили крохотный пяточок.

Вот она, Волга – царица рек. Вышел к берегу Нушке. Остановился. Глянул налево. Глянул направо. На волжскую воду с гордостью посмотрел.

Вспомнил отца и деда. Невесту. Отца невесты. Соседа. Соседку. Служивцев по части. Командира части. Швейцара. Почтальона. Лифтера. Портного. Вспомнил крылечко родного дома.

Наклонился Нушке к Волге, к воде. Подхватил ладонью студёные капли. Сделал глоток, второй.

Нушке стоит не один. Вот рядом Генрих Штольц, вот Отто Шульц, вот Вилли Шольц. Все трое из того же города Бремена. Есть у Нушке свидетели – как и обещал, напился Карл Иоганн Мария Нушке воды из Волги.

Улыбнулся Нушке. Улыбнулись свидетели.

И вдруг просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду – бух!

Отбежали свидетели. Глянули на то место, где стоял Нушке. Был. Стоял. И нет Нушке. Воронка на этом месте.

Нет Нушке, зато сохранились свидетели. Напишут в Бремен они письмо.

Узнает отец и дед, невеста, отец невесты, сосед, соседка, сослуживцы по части, командир части, швейцар, почтальон, лифтер, узнает родимый дом, что выполнил клятву Нушке – напился воды из Волги.

Только решили свидетели, как вдруг вновь просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду – бух!

Стояли свидетели. Были. И нет. Воронка на этом месте.

Ждут в Бремене вестей от Нушке. Ждут вестей от Шольца, от Шульца, от Штольца. Ждут вестей и в других городах, от тысяч других немецких солдат.

Что-то молчат солдаты...

Остров Людникова

Прорвались фашисты к Волге в районе завода «Баррикады», отрезали от других 138-ю стрелковую дивизию. Командовал дивизией полковник Людников. Занимала дивизия очень небольшую территорию у волжского берега. С севера, с запада, с юга – фашисты, с четвертой, с восточной, стороны – Волга. Островом Людникова называли солдаты эту часть сталинградской земли.

Всюду было трудно защитникам Сталинграда. А здесь, на острове Людникова, и того труднее. Стояла середина ноября. Ни зима, ни осень. Волга еще не замерзла, но уже шел по ней лед – шуга. И на лодках в такое время года не переправишься, и по льду не перейдешь. Трудно было сюда доставлять продовольствие и боеприпасы. Бойцы получали по 25 граммов сухарей и по 5 граммов сахара в день. Но держались.

Здесь же, на острове Людникова, оказалось много раненых. Собралось их около четырехсот человек. И их переправить нельзя на левый берег. Укрыли раненых в землянках, которые были вырыты в отвесных волжских кручах. Назвали землянки госпиталем.

И вот как-то к полковнику Людникову прибегают врачи:

- Товарищ полковник, бунтуют раненые.
- Как бунтуют?!
- Не слушаются, не подчиняются, – уточняют медики.
- Чему не подчиняются?
- Лечебному режиму, – сказали врачи.

Оказывается, не хотят раненые оставаться в госпитале. Знают они, что их товарищи по дивизии там наверху, на кручах, ведут тяжелые бои с фашистами, просят, чтобы и им разрешили принять участие в этих боях.

– Не подчиняются, – повторяют врачи. – Не выполняют раненые наших распоряжений, товарищ полковник.

Собрался Людников, пошел вместе с врачами к раненым. Вошел в одну из землянок. Узнали солдаты полковника Людникова:

– Товарищ полковник, несправедливо!..

– Что несправедливо?

– А то, что мы здесь лежим, – отвечают солдаты, – а там наверху каждый из наших товарищей один против пяти фашистов сражается.

– Так ведь вы раненые. Так ведь здесь госпиталь. Так ведь медицинский порядок такой, – пытается объяснить солдатам полковник Людников.

Объясняет, но видит, что солдаты не воспринимают его слова. Понимает Людников – не переубедить ему бойцов. Отошел, посоветовался с врачами. Разрешили врачи, чтобы легкораненые вернулись в строй.

– Только легкораненые, – повторили они.

– Только легкораненые, – повторил и полковник Людников.

Вот тут-то началось самое главное. Каждый стал утверждать, что он легкораненый.

Стали легкораненые отходить к выходу из землянки. Смотрит Людников: пожилой солдат вместе с другими двинулся. Плечо у солдата туго перебинтовано. Кровь сквозь бинты проступила. Ясно: ранение тяжелое.

– Куда же вы, папаша? – обращается к нему Людников.

– В строй, товарищ полковник, – отвечает солдат.

– Да как же вы с таким-то плечом – и в строй?!

– А мне тяжести не грузить. Я минометчик, – отвечает солдат.

Видит Людников: за этим пожилым молодой тянется. Костыль под мышкой, нога волочится.

– А куда же вы, товарищ боец, с костылем? – говорит ему Людников.

– Так я пулеметчик, – отвечает боец. – Для меня нога не самое главное.

Вернул полковник бойцов назад, и молодого и старого. Многих задержал Людников.

Утром те, кто был отпущен из госпиталя, составили пополнение и вместе с другими бойцами вступили в бой с фашистами. И вот зоркий глаз Людникова заметил, что бойцов, пришедших из госпиталя, оказалось намного больше того числа, которым вчера разрешили вернуться в строй.

Заметил командир дивизии и тех двух – пожилого с тяжелым ранением в плечо и молодого бойца-пулеметчика.

Подождал Людников к солдатам. Готов разозлиться, повысил голос:

– А вы почему здесь, товарищи бойцы?!

Ухватился пожилой за последнее слово – «бойцы».

– Оттого и здесь, что бойцы, – ответил.

Поставил в тупик он Людникова. Заговорил Людников о тяжелых ранениях у солдат, о том, что просто трудно с такими ранениями быть в бою.

– А ему что – легко? – опять не сдается пожилой. – А он что – не раненый? Да он нас посильнее ранен. Однако стоит и держится.

– Кто – он? – не понял Людников.

– Сталинград, – сказали бойцы, молодой и старый.

Сорок пять дней, до самой нашей сталинградской победы, удерживали советские воины остров Людникова. Так и не отдали его фашистам.

Титаев

Ноябрь. Завьюжило. Выпал снег.

Незавидная жизнь у связистов. Снег, непогода, грязь, бомбят самолеты с неба, снаряды вздымают землю, пули разносят смерть – будь к походу готов, связист. Повредило проводку бомбой, оборвало снарядом провод, фашистский разведчик разрушил связь – собирайся, солдат, в дорогу.

В ноябре вновь завязались бои за Мамаев курган. В самый разгар сражения прервалась телефонная связь с командным пунктом дивизии. С командного пункта как раз артиллеристам давали команды к стрельбе по целям. Оборвались теперь команды. Прекратился огонь артиллерии.

На исправление повреждения вышел связист Титаев.

Ползет Титаев вдоль провода, ищет, где произошел обрыв. Висят над Титаевым низкие облака. Метет поземка. Слева неприятельские окопы. Бьют минометы. Строчат автоматы. Грохочет бой.

Ползет Титаев, впился глазами в провод, ищет конец обрыва. Свистят над солдатом пули. Сбивает с пути поземка.

– Эн, не собьешь!.. – крикнул солдат метели. – Эн, не возьмешь!.. – крикнул Титаев пулям.

Ползет солдат. А там, на кургане, грохочет бой. И нужен, как воздух, огонь артиллерии. Понимает это Титаев. Торопится. Метрах в тридцати впереди показалась воронка от взрыва. Вот где оно, повреждение!

Десять метров осталось. Пять. Дополз до воронки солдат. Вот он у самого края. Вот лежит провод, рассеченный стальным осколком. Подхватил Титаев один конец. Тянет быстрее второй...

Молчал, молчал телефон на командном пункте и вдруг заработал. Облегченно вздохнул командир.

– Молодцы! – похвалил связистов.

– Так это ж Титаев, – ответил кто-то. – Первой статьи солдат.

Знают Титаева. Любят в дивизии. Ждут в связной роте, когда же вернется назад Титаев. Не возвращается что-то боец. На поиски связиста отправились два солдата. Ползут они тем же следом. Висят над ними низкие облака. Ветер метет поземку. Слева неприятельские окопы. Все так же бьют пулеметы. Стучат автоматы. Грохочет бой. Заработала советская артиллерия. Перекрывает шум боя, радуется слух солдатский. Ползут, смотрят вперед солдаты. Видят – воронка. На краю воронки признали Титаева. Прижался к земле боец.

– Титаев!

– Титаев!

Молчит Титаев.

Подползли солдаты поближе. Глянули – мертв, недвижим Титаев.

На войне солдаты ко многим вещам привыкли. Не удивишь их в сражении подвигом. Но тут...

Оказалось, что в тот момент, когда Титаев, обнаружив обрыв провода, пытался соединить его концы, настигла солдата смертельная пуля. Нет у солдата сил устранить повреждение. Но, прощаясь с жизнью, теряя сознание, в последнюю эту секунду успел солдат поднести провода ко рту. Зажал, как в тиски, зубами.

– Огонь! Огонь! – несется команда по проводу.

И тут же ответ:

– Есть огонь. Как связь, как связь?

– Отлично работает связь.

И снова:

– Огонь! Огонь!

Громили наши войска противника. А там, у края воронки, лежал солдат. Нет, не лежал
– стоял на посту солдат.

Стоял на посту солдат.

Крепость

Не могут фашисты взять Сталинград. Стали утверждать, что Сталинград неприступная крепость: мол, окружают город непроходимые рвы, мол, поднялись вокруг Сталинграда валы и насыпи. Что ни шаг – то мощные оборонительные сооружения и укрепления, разные инженерные хитрости и ловушки.

Не называют фашисты городские кварталы кварталами, пишут – укрепрайоны. Не называют дома домами, пишут – форты и бастионы.

– Сталинград – это крепость, крепость, – твердят фашисты.

Пишут об этом немецкие солдаты и офицеры в письмах к себе домой. Читают в Германии письма.

– Сталинград – это крепость, крепость, – трубят в Германии.

Генералы строчат донесения. В каждой строчке одно и то же:

«Сталинград – это крепость. Неприступная крепость. Сплошные укрепрайоны. Неодолимые бастионы».

Фашистские газеты помещают статьи. И в статьях все о том же:

«Наши солдаты штурмуют крепость».

«Сталинград – сильнейшая крепость России».

«Крепость, крепость!» – кричат газеты. Даже фронтовые листовки об этом пишут.

А Сталинград крепостью никогда и не был. Нет никаких особых в нем укреплений. Город как город. Дома, заводы.

Одна из фашистских листовок попала к советским солдатам. Посмеялись солдаты: «Ага, не от легкой жизни фашисты такое пишут!» Потом показали листовку члену Военного совета

62-й армии дивизионному комиссару Кузьме Акимовичу Гурову: мол, посмотри, товарищ комиссар, какие небыллицы фашисты пишут.

Прочитал комиссар листовку и вдруг поразил солдат.

– Все тут верно, – сказал солдатам. – Правду фашисты пишут. А как же, конечно, крепость.

Смутились солдаты. Может, оно и так. Начальству всегда виднее. Однако с недоверием все же на комиссара смотрят.

– Крепость, – повторил Гуров. – Конечно, крепость.

Смотрят солдаты – вот это да! Не будешь с начальством спорить.

Улыбнулся Гуров, покосился хитро на солдат:

– Ваши сердца и мужество ваше – вот она, неприступная крепость, вот они, неодолимые рубежи и укрепрайоны, стены и бастионы.

Улыбнулись солдаты. Понятно сказал комиссар. Приятно такое слушать. Прав Кузьма Акимович Гуров. О мужество советских солдат – вот о какие стены сломали в Сталинграде фашисты шею.

19 ноября 1942 года

Давно уже Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков, Василевский, Воронов, другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы. Вот как выглядел ее план. Решительными ударами с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

Немало пришлось потрудиться советским людям для того, чтобы наша армия смогла выполнить этот план.

Нужно было намного увеличить выпуск советских танков. Советские люди добились этого.

Нужно было создать новые совершенные и быстроходные самолеты. Советские люди решили и эту задачу.

Нужны были тысячи новых пушек, миллионы винтовок и автоматов, миллиарды снарядов и патронов. Все это выпустили советские заводы.

Нужны были тысячи высокообразованных командиров. Армия получила таких командиров.

Петр Еремин и Василий Дудочкин – два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба – танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились еще в училище. У обоих одна мечта – вместе, рядом хотят сражаться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Еремин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин, как назло, от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озерами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слез. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Еще тише здесь – на Сталинградском, между озерами Цаца и Барманцак.

Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Еремин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Еремина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются, молчат командиры.

Настойчивым был лейтенант Еремин. Обошел в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. И генералу про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Еремина:

– Похвально. И о друге – похвально. – Затем наклонился и тихо: – Надеюсь, исполнится ваше желание.

И лейтенант Дудочкин парень упорный. Обошел в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

– Ну что ж, надеюсь, исполнится ваша просьба.

Доволен Еремин. Доволен Дудочкин. Собрали вещички. Готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут...

1942 год. Раннее утро. 19 ноября.

– По танкам! – прошла команда.

Бросился Еремин к танку. Здесь узнаёт приказ. Начинается грандиозное наступление. Цель – окружить под Сталинградом фашистов. Пошел с севера в наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошел в наступление с юга их Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс приволжские степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали минометы. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И наконец с криком «ура!» неудержимо рванулась вперед всепобеждающая советская пехота.

Наступление началось.

Заждались

Южную часть Сталинграда и территорию вниз по Волге обороняла 64-я армия генерала Михаила Степановича Шумилова. Немало испытаний выпало на долю этой армии. Вместе с войсками генерала Чуйкова она выдержала самые тяжелые дни Сталинградской битвы.

И вот теперь вместе с другими частями солдаты Шумилова идут в наступление.

В великом порыве идут солдаты. Застоялись, заждались они победы. Рвутся сердца вперед. Не ожидали фашисты такого удара. Выдвигают быстрее заслоны. Сокрушают бойцы заслоны, шагом победным вперед идут.

Встречает Шумилов солдат в походе:

– Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Бои у Дона. Бои на подходах к городу. Горящую Волгу. Горящее небо. Атаки. Атаки. Атаки фашистов. Худое время. Тот горестный час.

– Не трудно, легко, – отвечают солдаты.

В великом порыве идут солдаты. Рвутся сердца вперед.

В контратаку идут фашисты. Вводят в сражение танки. Бросают в бои резервы. Цепляются за каждый выступ, куст, бугорок. Не жалеют огня фашисты. Не жалеют людей фашисты. И все же сметают врагов солдаты. Неудержимо идут вперед.

Встречает Шумилов солдат в походе:

– Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Мамаев курган. Бои на сталинградских улицах. Заводы «Красный Октябрь», «Баррикады», Сталинградский тракторный. Атаки. Атаки. Атаки фашистов. Небо с овчинку. Весь мир с кулак.

– Не трудно, легко, – отвечают солдаты.

В великом порыве идут солдаты. Рвутся сердца вперед.

Морозы стоят на улице. То туман, то поземка, то жгучий ветер, то колкий снег. Застревают в снегу машины. Буксуют в сугробах танки. Надрываясь, кони построшки орудий рвут. Нелегким походом идут солдаты. Толкают машины. На себе волокут орудия. Мозолят плечи. Трамбуют снег.

Встречает Шумилов солдат в походе:

– Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Недоброе время. Тот грозный час.

– Не трудно! Не трудно! – кричат солдаты. – Не чужая ноша, – кричат, – своя!

– А если всю правду? – спросил Шумилов.

– Всю правду?

– Всю, – произнес Шумилов.

– Трудно, – признались солдаты. И тут же: – На сердце зато легко.

Походом, боями идут солдаты. Радость цветет на лицах. Заждались солдаты победного боя. Рвутся сердца вперед.

«Братцы, пустите!»

Продолжается грозное советское наступление.

Ворвавшись к врагам в окоп, солдат Попов вступил в единоборство с тремя фашистами. Вышел солдат победителем. Рухнул один из фашистов на дно окопа. Двое пустились в бег. Укрылись с другими они за пригорок. Осилил врагов солдат, но и сам оказался ранен. Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

– Нет, – говорит Попов. – Дорога моя не в госпиталь. Вот мне куда, – и показывает рукой на пригорок. – Не могу. Не могу, – повторил солдат.

– Да что там такое?!

– Там двое меня ждут!

Рванулся Попов вперед. Добежал до пригорка. Заметил врагов в овражке. Снова сошелся с фашистами в схватке. Вышел солдат победителем. Из двоих фашистов в живых лишь один остался. Виднелся вдаль поселок. Побежал фашист к поселку. За этот поселок билась советская рота. Добежал фашист до ближайшего дома. Скрылся под прочной крышей. Вышел советский солдат победителем. Однако снова был пулей фашистской ранен. Едва стоит на ногах солдат.

Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

– Нет, – говорит Попов. – Дорога моя вон туда, – и показывает рукой на поселок. – Не могу. Не могу, – повторил солдат.

– Да что там такое?! – кричат санитары.

– Там в крайнем доме меня ждут, – отвечает санитарам солдат.

Рванулся Попов вперед. Прошел, пробежал, прополз – ворвался к фашистам в дом. Снова сошелся в бою с врагом. Вышел и здесь солдат победителем. Осилил фашиста третьего. Осилил и тут же свалился с ног. Изранен солдат, иссечен. На полушубке алеет кровь.

Подбежали к нему санитары. Схватили его санитары. На носилках лежит герой. Держат, прижали к носилкам его санитары.

– Братцы, пустите! Братцы, пустите! – кричит солдат.

– Да лежи ты! – не отпускают его санитары.

– Братцы, пустите! Братцы, пустите! Там был четвертый! – кричит солдат.

На том же участке Сталинградского фронта, только в другой дивизии, сражался пулеметчик сержант Карасев. Рота вела наступление. Перед ротой овраг, за оврагом хутор, за хутором высота. Осилить овраг, взять хутор, штурмом ворваться на высоту – такова боевая задача роты.

Атакуют солдаты овраг. Взяли. Осилили. Вышли на ровное место. И вдруг Карасева ранило. Осколок ударил в руку. Обвисла рука, как плеть.

«Э-эх, правая», – сокрушенно подумал солдат.

Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

Разгорячился в бою солдат. Понимает: утащат с поля боя его санитары.

– Не подходи! Не подходи! Дорога моя туда, – махнул головой на хутор.

– Так ведь рука! – кричат санитары.

– Так что, что рука?

– Так ведь правая!

– А я левша, – привирает солдат.

Подхватил пулемет, поволок в наступление. Припал к пулемету. Открыл огонь.

Ворвались солдаты в хутор. Отступили фашисты, укрепились на высоте.

Тут снова сержанта ранило. Осколок ударил в ногу.

Скривился от боли сержант Карасев. На секунду-стрельбу оставил.

Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

– Нет, – говорит Карасев. – Дорога моя туда, – и метнул головой к вершине кургана.

– Да как же! – кричат санитары. – И рука! И нога!

Схватили его санитары.

– Братцы, пустите! – кричит сержант. – Что рука, что нога, зубы были бы целы. Зубами возьму курган.

И снова припал к пулемету.

В походе, в бою солдаты. Рождают бои героев.

Если хочешь писать о героях...

Быстро наступают советские части. Передовой отряд 26-го танкового корпуса смелым налетом захватил мост через Дон, а вскоре нашими танкистами был взят и город Калач. Приехали на Дон в район боев корреспонденты армейских газет. Стали интересоваться подробностями, выяснять имена героев.

Первый вопрос:

– Кто взял мост?

– Передовой танковый отряд, – отвечают корреспондентам.

– Кто командир?

– Подполковник Филиппов.

И тут же объясняют корреспондентам, как был взят мост. Совершил подполковник Филиппов со своими танками стремительный налет на мост. Не ожидали фашисты советских воинов. Вначале даже подумали, что это свои. А когда разобрались – поздно. На мосту советские танки.

Записали корреспонденты сообщение о танковом рейде в свои фронтовые блокноты. Поехали дальше, в город Калач. Повстречалась им танковая колонна. Обратились корреспонденты к танкистам:

– Кто взял Калач?

– Передовой танковый отряд.

Записывают корреспонденты.

– Знаем, – говорят, – вашего командира. Подполковник...

– Так точно, подполковник. Подполковник Филиппенко, – уточняют танкисты.

– Как Филиппенко? Филиппов! – крикнули журналисты.

– По танкам! – прошла тут команда.

Скрылись под бронированными крышками люков танкисты. Остались корреспонденты со своими блокнотами. Смотрят на записанную фамилию командира передового отряда, гадают, какая же из фамилий подполковника правильная – Филиппов или Филиппенко.

Решили перепроверить. Попался один из солдат.

– Как фамилия командира передового танкового отряда? – спрашивают корреспонденты.

– Подполковник Филиппов, – отвечает солдат.

«Значит, все же Филиппов», – решают корреспонденты. И все же вторично решили проверить.

– Как фамилия вашего командира? – спросили у пробежавшего мимо лейтенанта-танкиста.

– Подполковник Филиппенко, – отвечает лейтенант.

– Он командует передовым танковым отрядом?

– Так точно, он.

Совсем в недоумении корреспонденты. Вовсе теперь запутались. «Филиппов? Филиппенко? Как же в статьях писать?»

Торопились они в газеты. Вернулись в свои редакции. Сидят гадают, какую же из фамилий указывать.

Сидят гадают. А гадать-то и нечего.

Оказалось, что среди наступающих танкистов были и подполковник Филиппов, и подполковник Филиппенко. Оба они командовали передовыми отрядами. Оба получили и звания Героев Советского Союза. Первый – за взятие моста на Дону, второй – за город Калач.

Много под Сталинградом героев. Много похожих фамилий. Иванов, Иваненко, Иванян, Иванидзе, Иващенко; радистки: Литвина, Литвиненко, Литвинова; танкисты: Григорян, Григоренко, Грищенко; пехотинцы: Петров, Петрашвили, Петросян, Петронавичус. Много героев, много фамилий.

Хочешь писать о героях? Не ошибешься – бери любого, фамилию выбирай любую.

Художник-баталист

Из Германии, из города Лейпцига, прибыл под Сталинград в штаб фашистской армии, которая штурмовала Сталинград, известный художник-баталист.

Прибыл. Представился. Уже немолод. В годах художник.

Приехал художник по приказу самого Гитлера. Получил он задание – нарисовать огромную картину о сталинградской победе фюрера.

Усердно трудился на фронте художник. Собрал материал для картины. Сделал бесчисленные зарисовки. Одних портретов чуть ли не тысячу нарисовал.

Закончил художник свою работу, стал собираться в Лейпциг. Сложил полотна свои и краски. Простился с чинами штаба. И вдруг:

– Танки! Танки! Русские танки! Советский прорыв!

Не поверил никто вначале. Не верит и сам художник.

Какой прорыв? Какие советские танки?! Откуда?! Ведь штаб далеко, в армейском тылу.

Однако все верно. Мчатся советские танки. Навстречу идут друг другу. В клещи берут фашистов.

Прорвались танки в тыл к фашистам. Началась паника, переполох. Устремились штабные службы быстрее на запад, к станции Нижнечирской, к мосту через Дон.

– Танки! Советские танки!

Вместе со всеми бежал к Нижнечирской и прославленный баталист. Ехал в штабной машине. В давке, в сутолоке слетела в кювет машина. Офицеры, его соседи – а были они посильней, помоложе, – пристроились быстро к другим машинам. Остался художник в степи один.

Ветер крепчает. Метет поземка. Стоит у дороги, как столб, художник:

– Я – баталист! Я – баталист!

Машет руками, взывает о помощи. Держит эскизы свои и краски.

– Я – баталист! Я – баталист!

Мимо несутся как вихрь машины.

– Я – художник-баталист! – надрывает несчастный глотку.

Никому баталист не нужен.

Стоит художник. Чуть-чуть не плачет. Вот и заплакал. Слезы к носу текут из глаз.

– Я из Лейпцига. Я – баталист!

Все больше и больше солдат на дороге. Толкая друг друга, текут вперед. В общей массе бредет художник. Еле ноги, бедняга, двигает.

Скользко. Все сильнее метет поземка. Крепчает, крепчает ветер. Поскользнулся, упал художник. Хочет подняться, да нету сил. Понимает – не встать ему с этой земли. И вот, как бы сквозь дрему, сквозь страшный сон, лишаясь чувств, еще осознал художник: колесо от повозки прошло по телу, ударил копытом конь, тяжелый, как жернов, огромный, как жернов, навалился автомобильный скат...

– Я – баталист... – прохрипел художник. И издал последний вздох.

Лежит баталист на дороге. Рядом краски лежат и эскизы. Кто же картину теперь напишет? Кто же фюреру славу теперь воздаст?

«Хендехохнули!»

Наступают наши войска. Сдаются фашисты в плен.

20 ноября. Утро. Штабная машина. Полковник в машине. Едет полковник, командир дивизии, к своим наступающим войскам. Навстречу попались пленные. Семь человек. Сзади шагает советский солдат. Молод, безус солдат. Держит автомат на изготовку, сопровождает пленных.

Остановилась машина.

– Откуда ведешь, герой?

– Вот там, за высоткой, стоит деревня, товарищ полковник.

– С кем их пленил?

– Один.

– Один?!

– Так точно, товарищ полковник. Я в проулок. Они из хаты, – стал объяснять солдат. – «Стой!» – им кричу. Занес гранату. Увидели гранату и тут же хенде-хохнули!

– Что-что? – не понял полковник.

– Руки вверх подняли, хендехохнули, товарищ полковник.

Полковник рассмеялся:

– Ну что ж, благодарю за службу, герой. Как фамилия?

– Синеоков, товарищ полковник.

Вечером полковник, командир дивизии, докладывал о том, как идет наступление его дивизии, генералу, командующему армией:

– Товарищ генерал, сегодня перед фронтом моей дивизии девятьсот фашистов хендехохнули!

– Что-что? – не понял генерал.

– Хендехохнули, сдались в плен, товарищ генерал.

– Ах, хендехохнули!

Улыбнулся генерал – понравилось, видно, ему словечко.

В этот же вечер генерал, командующий армией, докладывал об успехе армии командующему фронтом:

– Товарищ командующий, за истекший день вверенной мне армией разбиты... – И стал перечислять фашистские полки и дивизии, которые разбиты армией. А в конце: – Товарищ командующий, три тысячи фашистских солдат и офицеров хендехохнули!

– Что-что? – переспросил командующий.

– Хендехохнули, капитулировали, сдались в плен, товарищ командующий.

– Ах, хендехохнули! – рассмеялся генерал. Поздравил командующего армией с успехом.

Прошел час, и командующий фронтом докладывал по телефону о том, как прошел день на фронте, Верховному Главнокомандующему:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, сегодня в течение дня войсками фронта уничтожены... – И стал перечислять фашистские дивизии, которые уничтожены в этот день под Сталинградом. Доложил, а в конце торжественно: – Семь тысяч солдат и офицеров противника хендехохнули, товарищ Верховный Главнокомандующий.

– Что-что? – раздалось в трубке. Голос был мягкий, но чуть раздраженный.

Сообразил командующий, что зря употребил он неуставное, непривычное слово, но что тут делать? Сказал тише, без прежней бодрости:

– Хендехохнули, то есть сдались в плен, товарищ Верховный Главнокомандующий.

– Ах, хендехохнули! – ответила трубка. Ответила весело. Без прежней раздраженности. Даже смешок раздался: – Значит, хендехохнули?

– Так точно, хендехохнули, товарищ Верховный...

23 ноября 1942 года

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, наступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперед и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Петр Еремин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулеметы и снова с боями шли вперед и вперед.

Мчится на танке лейтенант Еремин. Весь он в великой битве. Жалеет лишь об одном: «Эх бы сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Еремину лейтенант Дудочкин летит на танке. Весь он в великой битве. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ереминым встретиться: «Вот бы сюда Петра!»

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года рядом с Доном, за Калачом, встретились части двух разных фронтов.

Видит Еремин: танки летят навстречу.

– Наши! Наши! – кричат кругом.

Встретились танки двух разных фронтов – Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Еремин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит – бросились люди навстречу друг другу. Не скрывают солдаты радости. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Еремину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул – да это же Дудочкин! Василий Дудочкин.

– Вася! – закричал Еремин.

– Петя! – вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах.

Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом – два генерала, их генералы, те самые. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

– Лёня! – кричит один.

– Саня! – в восторге кричит другой.

Увидели генералы Еремина и Дудочкина:

– Ну как?

– Встретились! Встретились! – закричали Еремин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

– Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия, штурмовавшая Сталинград, оказалась, как волк, в капкане.

Очень даже заслужил

Нелегкая жизнь у разведчиков. Со смертью в обнимку ходят.

Вместе с Юго-Западным и Сталинградским фашистов в приволжских степях громил и Донской фронт.

Было это на Донском фронте, как раз накануне тех дней, когда наши войска перешли в наступление. Младшего лейтенанта Волкова посылали в разведку. Задание важное, срочное. Стоят трое: командующий армией генерал Батов, командир дивизии полковник Меркулов, разведчик младший лейтенант Волков. Полковник Меркулов объясняет задание. Штабу фронта нужен срочно немецкий «язык».

– Ясно, товарищ полковник, – ответил Волков.

Знает полковник Меркулов Волкова. Уверен, что точно и в срок выполнит тот задание.

Выполнил Волков задание. Привел пленного гитлеровца. Доложил Меркулову. Доложил генералу Батову.

– Благодарю, молодец! – сказал генерал.

– Служу Советскому Союзу! – отчеканил Волков. – Разрешите идти?

– Идите.

Повернулся младший лейтенант. Вышел.

– Молодец, ну и молодец! – повторил Батов.

Улыбнулся полковник Меркулов. Приятно ему похвалу о своем подчиненном слышать. Посмотрел на командующего, сказал не без гордости:

– Так точно, молодец, товарищ командующий. Он девять «языков» уже взял. Это десятый.

– Десятый?!

Доволен Меркулов. Знает, что взять десять «языков» – нелегкое это дело. Понимает, что произвел впечатление на командующего.

– Так точно, десять!

– Да-а, – протянул задумчиво Батов и вдруг: – А что же наград у него не видно, товарищ полковник?

Не ожидал Меркулов такого, развел руками:

– Обстановка неподходящая, товарищ командующий. Какие же здесь награды, раз армия то отступала, то стояла, то вновь отступала, да вот и сейчас стоит. Вот пойдем вперед. Вот прорвем фашистов...

Батов нахмурился:

– Значит, неподходящая обстановка?

– Так точно, товарищ генерал.

Нахмурился Батов еще больше, искоса посмотрел на Меркулова.

– Согласен, – сказал. – Для наград комдиву – неподходящая. Не заслужил еще комдив. И командарм, – Батов показал на себя, – не заслужил. А вот младший лейтенант Волков заслужил, – произнес генерал резко.

Поднялся Батов, прошелся по землянке и повторил, теперь уже тихо, не смотря на Меркулова, как бы для себя:

– Очень даже заслужил!

В тот же день отважный разведчик был награжден орденом. Сам командующий Донским фронтом Константин Константинович Рокоссовский награду ему вручил.

«„Черчилля" подковал!»

Подполковник Иван Игнатьевич Якубовский сражался в составе Донского фронта, командовал танковой бригадой.

Мало ли у нас в армии подполковников. Всех не упомнишь. А этого знали.

– Якубовский? Знаем Якубовского. Это тот подполковник, который «Черчилля» подковал!

Да, был такой случай. Вместе с Советским Союзом против фашистской Германии воевали Англия и Соединенные Штаты Америки. Они были нашими союзниками. Союзники помогали нам самолетами, танками и некоторым другим вооружением. Не всегда то, что присылали нам союзники, было самым лучшим. Самолеты были не самыми быстроходными, не самыми маневренными. Танки часто горели, не всегда справлялись с нашими дорогами. Но и за такие, как говорят, спасибо. Не хватало в первые годы войны у нас собственного вооружения. Пришли на пополнение нашей армии и английские танки, которые назывались «Черчилль». Черчилль – это имя собственное. Это фамилия. Уинстон Черчилль был в те годы премьер-министром, то есть главой правительства, в Англии.

Прибыли танки «Черчилль» и в бригаду подполковника Якубовского. Красивые танки, новенькие. Башня, пушки, пулеметы, броня – все на своих местах. Неплохие танки. Вот лишь буксуют по дорогам, размытым дождями, танки.

Смотрят солдаты на эти танки, посмеиваются:

– Интеллигенция! Им бы галошки носить для грязи.

Услышал про галошки подполковник Якубовский.

Подумал: правы, конечно, солдаты. Надо наклепать им на гусеницы шипы, решил подполковник.

Попробовали, наклепали шипы на гусеницы. Побежали танки. Не страшны им теперь проселки и лужи, вязкая глина и рыхлый снег.

И снова меткие солдатские разговоры:

– Подковал он его, подковал. «Черчилля» подковал!

Стали и в других частях приделывать шипы к танковым гусеницам. Пошла слава о подполковнике Якубовском по всей армии.

– Якубовский? Знаем Якубовского. Это тот подполковник, который «Черчилля» подковал!

Танкисты Якубовского с отвагой и умением громили фашистов под Сталинградом. Подполковник Якубовский прошел всю войну. Многими наградами отмечены его ратные подвиги. Он дважды Герой Советского Союза.

Иван Игнатьевич Якубовский стал Маршалом Советского Союза.

«Зимняя гроза»

22 фашистские дивизии, 330 тысяч фашистских солдат, окружила под Сталинградом наша армия.

Дал Гитлер клятву спасти окруженных фашистских солдат.

Выбрал надежного человека. Им оказался опытный фашистский военачальник генерал-фельдмаршал Манштейн. Поручил Гитлер Манштейну прорвать кольцо советского окружения, деблокировать Сталинград.

– Хайль! – прокричал Манштейн.

«Манштейн» в переводе на русский – «человек-камень». Верит в Манштейна Гитлер. Верят в Манштейна солдаты. Манштейн – горы свернет. Манштейн – скалы пробьет. Если надо, Манштейн остановит реки.

– Держитесь! Я к вам иду! Я вас спасу! – заявил фашистский генерал-фельдмаршал.

Собрали фашисты войска. Из Германии новые части прибыли, из захваченной Гитлером Польши, из захваченной Гитлером Франции. Пришли и с других фронтов.

«Зимняя гроза» – назвали фашисты свое наступление.

12 декабря 1942 года. Устремились вперед фашисты. Танки, самоходки идут впереди, сзади ползут обозы. Везут боеприпасы, горючее, одежду, продовольствие для окруженных. И вот опять в степях между Доном и Волгой в жесточайшей схватке сошлись войска. В районе поселка Верхне-Кумский разгорелось огромное танковое сражение. Поселок несколько раз переходил из рук в руки. Всюду горели подбитые танки. И снова не счесть погибших. Героически бились советские воины. И все же под натиском грозных сил пришлось отойти солдатам.

Через шесть дней после начала фашистского наступления гитлеровские войска, окруженные под Сталинградом, услышали шум канонады.

– Мы спасены! Это идет Манштейн!

Готовят фашисты Манштейну достойную встречу. Время назначили. Место. Час. Порядок торжеств и парад в честь победы.

Однако встречу Манштейну не только они готовят. Идут навстречу Манштейну и советские части. Идет гвардейская армия под командованием генерала Родиона Яковлевича Малиновского. Цепок в боях Малиновский. Стремителен в маршах, быстр.

В ожидании дивизии Малиновского советские воины укрепились у реки Мышкова.

Подожли фашисты к реке Мышкова. Споткнулись, застряли, остановились.

– Вперед! – не утихает Манштейн. – Вперед!

Однако фашисты вперед ни шагу.

– Вперед! Вперед! – кричат в полках, батальонах и ротах.

– Вперед! – даже кричат в обозах.

Однако советские солдаты крепко стоят в обороне.

– Вперед!

Ни шагу вперед фашисты.

– Отставить. Отложим до завтра, – сказал Манштейн.

– До завтра! – прошла команда.

А назавтра прибыли сюда главные силы армии Малиновского. Ударили гвардейцы по фашистам так, что лишь перья от тех полетели.

Побежали враги.

Хотели грозу фашисты. Получили грозу фашисты.

Белый и Черный

Командир танкового корпуса генерал Василий Тимофеевич Вольский принимал пополнение. Подходили командиры танковых частей, докладывали, представлялись.

Подошел первый:

– Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Черный прибыл в ваше распоряжение.

– Здравствуйте, – сказал генерал Вольский.

Посмотрел на подполковника, понравился ему офицер. Коренастый, крепкий. Глаза веселые. Взгляд открытый.

Поинтересовался генерал, как доехал полк, сколько танков в полку, каково у бойцов настроение.

– Отличное настроение, – отвечает подполковник Черный. – Танки новые. К боям готовы.

– Вот и прекрасно, – сказал Вольский. – Желаю успехов по новому месту службы.

Представился подполковник Черный, сделал шаг в сторону. Новый офицер подходит к генералу Вольскому. Смотрит генерал: строен, высок офицер. Глаза серьезные. Взгляд орлиный. Звание у офицера, как и у подполковника Черного, тоже подполковник.

Подошел подполковник к генералу:

– Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Белый прибыл в ваше распоряжение.

Посмотрел генерал на подполковника:

– Как? Повторите фамилию.

– Подполковник Белый, – повторил подполковник.

Смотрит генерал Вольский на стоящего перед ним подполковника. Черный – Белый... Вот это да! «Шутят, что ли?» – даже подумал. Да нет, глаза у подполковника серьезные, взгляд не озорной – орлиный.

Расхохотался тогда генерал. Понял: произошло совпадение. Подозвал он вновь подполковника Черного, показал на Белого:

– Знакомьтесь.

– Подполковник Черный, – представился Черный.

– Подполковник Белый, – представился Белый.

Теперь наступило время рассмеяться и самим подполковникам.

Стали подполковники Белый и Черный служить в одном корпусе. Немало шуток об этом тогда ходило. Даже сам корпус порой называли то черно-белый, то бело-черный. Даже в стихах шутили:

– Белый Черного спросил: «Где ты бороду красил?..»

Доходили шутки и до генерала Вольского.

– Били бы хорошо врага, – отвечал генерал Вольский. – А Белый или Черный – не имеет значения.

А вот врагов, нужно сказать, и подполковник Белый, и подполковник Черный били действительно умело. Это они в числе других со своими танковыми полками завершили стремительное окружение фашистов под Сталинградом. Это они вместе со своими танкистами умело колотили дивизии генерал-фельдмаршала Манштейна, ответив на фашистскую угрозу нашей грозой – советской.

Шутили солдаты:

– Бьет их Белый, бьет их Черный. Жизнь фашистам не мила. Белый свет им ныне черный.

Добавили

Советские войска добивали Манштейна. Освобождали город Котельниково. Именно отсюда, из Котельникова, и начал Манштейн свой танковый марш на помощь окруженным под Сталинградом фашистам. Перед решающим боем вышла вперед разведка. Схватили разведчики фашистского «языка».

Солдат неказист, немолод. Понурия голову пленный тащится.

Старший в разведке сержант Огоньков. Рядом шагает ефрейтор Семушкин. По-немецки умел разговаривать Семушкин.

Присели солдаты в пути на отдых.

– А ну-ка, ефрейтор, – говорит Огоньков, – спроси, как фашиста зовут, к какой части солдат приписан.

– Фриц Бумгартер, – отвечает фашистский солдат.

Рассмеялся сержант Огоньков:

– Все они вроде фрицы. Ну-ну, кто он – танкист, артиллерист, может, связной из штаба?

Оказалось, что солдат не боевой, не строевой. Служил он на складе. В Котельникове фашисты организовали для своей армии большие продовольственные склады. На складе и нес интендантскую службу солдат.

Огорчился сержант Огоньков – никчемный «язык» попался.

– Ну-ну, что там на вашем складе? Крысы небось и мыши!

– Найн, найн. Нет, – замотал головой солдат.

– Ну-ну, так что же на вашем складе?

– О! – произнес солдат. Разговорчивым фриц оказался. – Вина на нашем складе. – И уточняет: – Из Франции. Жиры на нашем складе. – И уточняет: – Из Дании.

Оказалось, что чуть ли не из всех стран Европы хранились продукты на этих складах. Консервы из Норвегии, сыры из Голландии, кофе из Бельгии, из Австрии шоколад...

Ломятся склады в Котельникове от разных вкуснейших разностей. Стояли последние дни декабря. Вот и прислали фашисты сюда, под Сталинград, к Новому году солдатам своим гостинцы...

– Да... – протянул сержант Огоньков. – Богатства на ваших складах. Всего нахватили. Всю Европу метлой подчистили. Ну а что там у вас из нашего?

Оживился солдат:

– О-о! Русское сало!

– Мало, – сказал Огоньков.

– О-о! Русское масло!

– Мало, – сказал Огоньков.

– Мясо, сахар, сметана, яйца, – начал частить солдат.

– Мало. Мала наша доля, – сказал Огоньков. – Покурил, помолчал, добавил: – Надо ее добавить.

Смотрит Семушкин на Огонькова:

– Ну и загнул, сержант!

– Надо добавить, – повторил Огоньков.

На следующий день советские войска штурмом вошли в Котельниково. В жарком бою разбили они фашистов. Освободили Котельниково.

16 тысяч фашистских солдат было в этом бою убито или попало в плен. Страшно было смотреть на место недавней схватки. Смотрят солдаты на покрытую фашистскими трупами землю, на разбитые танки, пушки. Тут же со всеми и сержант Огоньков и ефрейтор Семушкин. Повернулся Огоньков к Семушкину, показал на убитых фашистских солдат, на разбитые танки, пушки. Горы убитых фашистских солдат. Горы фашистской разбитой техники.

– Ну вот, теперь всё на месте, – сказал сержант Огоньков. – Вот и добавили фашистам мы нашу долю.

Воздушный мост

Разбит Манштейн. Не прорвались к своим фашисты.

– Мы не прорвались, но есть самолеты!

Боеприпасы, горючее, продовольствие стали поступать к фашистам в Сталинградский «котел» по воздуху. Организовали фашисты воздушный мост. Бороздят самолеты небо.

Началась эта история еще до того, как попали фашисты в «котел», в Сталинградское окружение. Атаковали как-то фашистские асы колонну советских танков. Изрядно нашим тогда досталось. Беснуются в небе, как вихрь, самолеты. Стали над танками в замкнутый круг. Пикируют вниз на танки.

Приметил его танкист, механик-водитель старший сержант Гаврилов. Самолет был под номером 22. Именно бомбой с этого самолета был подорван гавриловский танк. Именно пулей с этого самолета был ранен стрелок Носак.

Стоит на земле Гаврилов. В бессильной злобе грозит кулаком самолету.

С той минуты не было большей мечты у Гаврилова, как отомстить фашисту. Крепко держит в памяти номер 22.

Смеются друзья над Гавриловым:

– Рожденный ползать летать не может!

– Да где это видано, чтобы танк отомстил самолету!

– Отомщу, – упрямо твердил Гаврилов.

Уж, видимо, очень был зол Гаврилов. Гора с горой, говорят, не сходится. Снова сошлись самолет и танк.

Случилось это в конце декабря, в самый разгар боев, когда добивали наши войска Манштейна. Танковая бригада, в которой служил Гаврилов, получила приказ прорваться к фаши-

стам в тыл и выйти к станции Тацинской. Рядом с Тацинской большой фашистский аэродром. На аэродром и был нацелен удар танкистов.

Тронулись танки в рейд. Хмурое утро. Ползет туман. Укрылись машины в молочной мари. Проскочили танкисты десятки километров, вышли незаметно к аэродрому. Не ждут их фашисты. Забит аэродром машинами. Стоят самолеты сплошными рядами. Ряд подпирает ряд.

– Бей по хвостам! Бей по хвостам! Топчи по хвостам! – пронеслась команда.

Хвост – самая уязвимая часть самолета. На хвосте крепят рули. Сбиты рули, самолет – игрушка.

Устремились танки к самолетным шеренгам. Режут хвосты, как бритвой. Вместе со всеми крошит фашистов и старший сержант Гаврилов.

Мчит сквозь огонь Гаврилов. Выскочил к взлетному полю. Смотрит – выруливает самолет. Глянул Гаврилов: сердце ударило в грудь, как молот.

– Он! – закричал Гаврилов.

– Он! – сверху из башни кричит Носак.

Видят номер 22 на борту самолета. Развернул Гаврилов танк, устремился за самолетом. Увидел фашистский летчик советский танк, дал мотору полные обороты и прямо поперек взлетного поля пошел на взлет. Бежит машина. Перебирают колеса заснеженные бугорки. Бежит самолет, а следом несется танк.

– Стреляй, стреляй! – кричит Носаку Гаврилов.

Да только мешкает что-то Носак. Никак фашиста в прицел не схватит.

Танк не чета быстрокрылому. Все быстрее, быстрее бежит самолет. От неровностей поля словно гусь с ноги на ногу переваливается. Но не уменьшается между ними – растет расстояние. Уходит из рук стервятник.

Добежал самолет до границы поля. Тут проходил овражек. Подпрыгнул. Повис в воздухе. Вот-вот начнет набирать высоту.

– Стреляй! – дико кричит Гаврилов.

В это время и танк подскочил к овражку. Коснулся овражной кручи и – о чудо! – как лыжник с трамплина, за самолетом – в воздух. В эту минуту Носак и стрельнул. Вышел снаряд смертоносным жалом. Лизнул самолетную твердь. Рухнул фашист на землю.

Танк хотя и свалился тогда в овражек, но цел, невредим и счастлив.

Более 300 самолетов уничтожили в этот день советские танкисты на аэродроме в Тацинской. Да и не только здесь. И на другие аэродромы совершили танкисты рейды.

Сбивали фашистов метким огнем зенитчики. Советские истребители встречали фашистов в небе. Ничего не получилось у фашистов с мостом небесным.

Рухнул воздушный мост.

Стальной-Соломенный

В 214-й стрелковой дивизии служил капитан Соломенный. Был он начхозом, то есть начальником по хозяйственной части. Обеспечить бойцов одеждой, едой, табаком...

Немолод Соломенный. Шестой десяток пошел капитану. Седина побелила голову. На фронте он доброволец. Просился в строй – хотя бы командовать ротой, взводом. Однако не взяли. Вот и попал в начхозы.

Но и в начхозах он был настоящий воин. Пулям не кланялся. Перед снарядами шапку не сбрасывал.

– Возраст не тот, – говорил Соломенный.

Однако все знали: дело не в этом – душа у него отважная. Любили его солдаты. Легенды о нем ходили.

Было это еще до Сталинграда, в боях под Воронежем. В одной из схваток с фашистами погиб пулеметный расчет, прикрывавший фланг нашей стрелковой роты. Погиб расчет. Замолчал пулемет. Устремились вперед фашисты. Обходят роту. Вот-вот и отступит, погибнет рота.

И вдруг застрочил пулемет. Понес он пули врагам навстречу. Сорвал атаку. Подбежали бойцы к пулемету, видят – за пулеметом лежит Соломенный.

Затем в тяжелых боях под Сталинградом вновь отличился Соломенный. Ехал он на военной трехтонке. Вез для солдат табак. Попала трехтонка под атаку фашистов. Убило водителя. Убило охрану. Остался один Соломенный. Не дрогнул Соломенный. Залег капитан за колеса трехтонки. Открыл по врагам огонь. Ловко стрелял. Как снайпер. «Там снайпер», – решили фашисты. Отступили они от трехтонки. Прибыл в войска табак.

Вот и сейчас: вернулись из разведки наши разведчики, доложили, что недалеко от передовой, от наших окопов, в тылу у фашистов, они обнаружили стадо из десяти коров. Укрыли фашисты коров в низине, в овражке. Охраны поблизости нет.

Узнал про коров Соломенный. Десять коров – это богатство целое. Плохо с едой у фашистов. Отрезаны базы, склады. Не получишь нынче и помощь с воздуха – рухнул воздушный мост.

– Значит, коровы? – переспросил Соломенный.

– Так точно, коровы.

– Важный трофей. Прямо по нашей части.

Заговорил в Соломенном начхоз и солдат. Решил он угнать у фашистов стадо. Взял двух бойцов:

– Пошли.

Бойцы к капитану:

– Мы сами управимся.

– Пошли-пошли, – повторил Соломенный. Улыбнулся: – Стадо должен принять на месте.

Пошли они ночью. Пригнали стадо. Прямо рядом с врагами прошли. Идет Соломенный, покрикивает на коров:

– Шнель!.. Шнель!..

И солдаты покрикивают:

– Шнель!.. Шнель!..

Смотрят фашисты на стадо. Думают – свои перегоняют коров.

Прошли Соломенный и солдаты вдоль фашистских позиций еще немного, затем резко свернули и погнали коров в нашу сторону.

Спихватились фашисты. Сообразили, в чем дело. Открыли огонь. Да этим только коров спугнули. Задрали коровы хвосты. В момент добежали к нашим окопам.

– Завтрак прибыл! – кричат солдаты.

Благополучно вернулись к своим и бойцы, и капитан Соломенный. Отважным был капитан, хотя и служил начхозом. Пулям не кланялся. Снарядам не кланялся. Любили его солдаты. Ценили его солдаты. Вот и прозвали Стальной-Соломенный.

Минное поле

8 января 1943 года наши командиры обратились к окруженным под Сталинградом фашистским войскам с предложением капитулировать.

Благородными были наши предложения. Вот они. Всем сохранялась жизнь. Всем раненым оказывалась немедленная медицинская помощь. Всем гарантировалась безопасность, еда и кров. Как только закончится война, все возвращались к себе на родину. Но и это еще не все. Всем сохраняли военную форму. Знаки различия. Разрешали носить ордена. А старшим офицерам оставлялось даже холодное оружие.

Подписали эти условия командующий Донским фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский (он командовал всеми нашими войсками, добивавшими фашистов в Сталинградском «котле») и представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал Николай Николаевич Воронов.

Отказались фашисты капитулировать.

Через несколько дней мы повторили свои предложения.

Фашисты вторично ответили нам отказом.

Тогда был отдан советским войскам приказ возобновить решительное наступление на фашистов.

Начался последний, завершающий этап Сталинградской битвы.

На одном из участков советского наступления саперный взвод получил задание разминировать неприятельское минное поле. Прибыли саперы, принялись за работу. Дни стояли как раз холодные. Мороз злился, кусался волком. Дул ледяной ветер. Спирало ДУХ.

Проклинают саперы мороз и ветер, продвигаются по минному полю, ищут мины. Не попадают что-то мины.

Чуть дальше прошли. Землю до миллиметра кругом прощупали. Не попадаются мины. Нет.

Сообщают саперы в штаб: не обнаружены на минном поле мины.

– Ищите, – приходит приказ из штаба. – Были мины. Ищите лучше!

Ищут саперы. И правда, мина одна попалась. Одна попалась, а больше нет. Вдоль, поперек исходили поле. Не находят больше саперы мин.

Снова сообщают в штаб.

И снова приказ из штаба:

– Ищите! Сведения наши точные: мины есть.

И опять саперы по полю рыщут. Проклинают мороз и ветер.

Ищут саперы. Аппараты специальные ищут. Проверяют саперы на слух, на щуп. Кто-то даже на запах ищет. Не попадаются мины. Нет.

Опять доложили в штаб.

Прибыл работник специальный из штаба. Сам облазил, обшарил поле. Нет здесь и в помине мин.

Были, а нынче нет.

Разводит штабист руками:

– Поразительный прямо случай! Исчезло, испарилось, что ли, минное поле?!

Наступление шло стремительно. Некогда было тут разбираться с полем. Однако дотошлив штабной работник. Атаковал он солдат, тех, чьи части находились недалеко от минного поля:

– Где, объясните, минное поле?!

Помялись, пожались, признались солдаты:

– Истопили мы в печках поле.

– Как истопили?

Рассказали солдаты, в чем дело. Места под Сталинградом степные, безлесные. Ни пенька, ни сучка кругом. Вот и наловчились, оказывается, солдаты содержимое мин применять как топливо. Научились и мины снимать. Не хуже любых саперов. Грелись в землянках минами.

Поразился штабной работник:

– Так это же мины!! Ну и души у вас отчаянные!

– Солдатские души, – смеются солдаты. Поразмыслил штабной офицер, подумал: «Да что им, солдатам, какое-то минное поле...»

И солдаты ему о том же:

– Да что там какое-то минное поле – скоро всю сталинградскую землю от фашистов метлой расчистим.

«ЧТИТ И ПОМНИТ»

Идут последние дни Сталинградской битвы. Станица Садовая. На пути к Сталинграду. Почти от самых железнодорожных путей тянутся тут бараки. Когда-то здесь были склады. Сейчас госпиталь для раненых и обмороженных фашистских солдат.

Много их. Прибывают все новые.

Прибыли вместе с другими и солдаты Отто Шредер и Хуберт Пикер. Оказались рядом они на нарах. Ранен Шредер в живот осколком. Отморозил руки и ноги Пикер.

В столах и муках лежат солдаты. Обходят врачи бараки:

– Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Читит вас родина. Читит и помнит.

Лежат солдаты. Однако у всех тревога. Что ожидает их впереди? Где-то рядом идут бои. Раскаты слышны орудий. Боятся солдаты русского плена.

Наступает наша армия. Волнуются и сами врачи. Звонят они в штаб к начальникам.

– Не беспокойтесь, – отвечают начальники. – Не бросим больных, не бросим. Не попадут они к русским в плен.

Заверяют врачи солдат:

– Не попадете вы к русским в плен.

И снова:

– Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Читит вас родина. Читит и помнит.

И верно. Слух прошел по баракам: едет полковник из штаба, везет ордена-кресты. Вручат храбрецам награды.

Повеселели солдаты. Поднялся солдатский дух. Не забыла их родина. Читит и помнит.

Прибыл полковник.

– Смирно! – команда идет по баракам.

Замерли все: и врачи, и больные. Вручает полковник солдатам награды. Идет вдоль нар, никого не обходит. Косят Шредер и Пикер глазами. Скоро и к ним подойдет.

– Хайль Гитлер! – произносит полковник. И цепляет солдатам почетный знак.

– Хайль! – отвечают солдаты.

– Хайль! – прокричали и Шредер и Пикер.

Лежат солдаты в крестах, в наградах. Оценен их ратный труд. И все же волнует солдат вопрос: как же с отправкой на родину? Кто-то обратился к полковнику – не грозит ли солдатам плен?

– Не грозит, не грозит, – ответил полковник. – Не опасайтесь. Слово мое и фюрера.

Уехал полковник. Оставил какой-то приказ в пакете. Сказал – вскрыть, если прорвутся к Садовой русские. Прорвались русские. Вышли утром они к Садовой. Вскрыли пакет начальники. Читают приказ. В приказе черным по белому – сжечь, уничтожить солдат и солдатский госпиталь.

Сдержало начальство слово. Не попали солдаты в плен. Плеснули фашисты бензин на бараки. Взвились к небу огонь и дым. Утонули в пожаре несчастных крики.

Посмотреть на героев

Побивают фашистов советские войска.

Молодые солдаты – башенный стрелок Степан Басов и механик-водитель Павел Костров – мечтали посмотреть на настоящих героев. Восхищались они мужеством защитников Сталинграда:

– Вот ведь люди какие! Как скалы стояли. Не сломили фашисты город. Вот бы глянуть на них, на героев!

Служили солдаты в составе Донского фронта, в танковой бригаде подполковника Якубовского. Наступил день, когда армия, в которой служили танкисты, перешла в наступление. Прорвали советские войска оборону противника. Идут к Сталинграду. Довольны Костров и Басов – вот повезло, своими глазами увидят они героев.

Во время прорыва танки Якубовского обходили слева поселок Мало-Клетский. Рядом с поселком сильно укрепленная высота. Разместились здесь огневые точки противника. Сдерживают отсюда фашисты наступление нашей пехоты. На штурм высоты и пошли танкисты. Метко бьет Басов. Уничтожил две огневые точки. Ловко управляет Костров машиной. Две огневые точки гусеницами раздавил. Отличились в бою солдаты, медалями награждены.

Затем бригада подполковника Якубовского сражалась в районе Вертячего. Выскочили несколько танков, в том числе и танки Кострова и Басова, на крутой берег Дона. Далеко видно с высокого берега. Вот в атаку идет советская пехота. Бьют из-за укрытия по пехоте фашистские пушки. На фашистов, на пушки и ринулся танк Кострова. С первых же выстрелов подбил Басов два фашистских орудия. Еще два орудия Костров гусеницами раздавил. Отличились снова Костров и Басов. Заслужили и здесь награды.

Пробиваются танки дальше. Все ближе и ближе они к Сталинграду.

Рады Костров и Басов:

– Теперь уже скоро увидим героев. Теперь уже недалеко!

Тяжелые бои развернулись за Казачий курган. Трижды советские бойцы достигали его вершины. Трижды возвращали фашисты опять высоту.

Идет атака в четвертый раз. На помощь пехоте брошены танки. Лихо танкисты бьются. Любо на них смотреть. Залюбовалась пехота. И слева и справа несутся танки. Оторвался один от других. Первым на приступ лезет. Первым вошел на курган. Первым пехоте пробил дорогу.

– Ура героям!

– Так это же Костров и Басов!

Вновь смельчакам – награды.

Двигутся, движутся вперед войска. Мужают в боях солдаты. И вот впереди Сталинград. Торжествуют Костров и Басов. Сбывается их желание. Еще день – и своими глазами увидят они защитников волжской крепости.

И вот этот день наступил – 26 января. В этот день танкисты Якубовского ворвались в Сталинград и в районе Мамаева кургана встретились с бойцами-гвардейцами из армии генерала Чуйкова.

Выскочили Костров и Басов из танка, уставились на сталинградцев – вот перед ними стоят герои!

Поражаются сталинградцы: что это два танкиста на них, как на расписные ворота, смотрят?

Объясняет командир танка: мол, молодые солдаты, мол, мечтали посмотреть на героев.

Усмехнулись сталинградцы. Однако самим приятно.

– Ясно, товарищ танкист. Понятно!

Вдруг вышел вперед старшина-сталинградец. Пригляделся к Кострову, к Басову:

– Посмотреть на героев? Ну что ж, смотрите. – Вынул газету: – Вот тут про героев.

Раскрыли танкисты газету. Глянул Басов – не верит своим глазам. Глянул Костров – тоже глазам не верит.

В газете напечатана фотография. На фотографии двое – Костров и Басов. А сверху надпись: «Слава героям Донского фронта!»

Растерялись танкисты, смутились, зарделись.

Улыбается старшина-сталинградец. Похлопал по плечу Басова, похлопал Кострова, смотрит и сам на фотографию:

– Хороши, хороши! Красивы!

Пошла по рукам газета. Все хотят на героев взглянуть.

Победа под Сталинградом

Окружила наша армия фашистов. В мощных боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока еще в руках у фашистов. Ищут фашисты среди стен городских спасение. Приходят в город все новые и новые фашистские части, а тут и своих полно.

Дома все разрушены. Щебень да камни.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по подземельям, погребам и траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких подвалов, под зданием бывшего универмага, сидит и командующий окруженной фашистской армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс.

– Мужайтесь! Держитесь! – кричат из подвала фашистские генералы.

Здесь, в подвале, штаб окруженной армии или, вернее, того, что осталось от армии. Не много солдат добрело до города. Одни еще бьются. Другие махнули на все рукой.

– Держитесь! Держитесь! – приказ солдатам.

Однако все меньше и меньше тех, кто готов держаться.

И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывались фашистский штаб и фельдмаршал Паулюс. Спустились в подвал герои:

– Будьте любезны, руки кверху, фельдмаршал Паулюс!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей траншей выкуривают.

– Вылезайте на свет, голубчики!

Выходят фашисты. Руки, как пики, вверх. Головы – в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окруженные под Сталинградом, окончательно сложили оружие. Все, что осталось от огромной 330-тысячной гитлеровской армии, сдалось в

плен. Советскими войсками были разбиты или полностью уничтожены 22 фашистские дивизии. Пленена 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала, советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Фашистская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать.

Прошло два дня, и 4 февраля на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

- Двадцать две дивизии!
- Двадцать три генерала!
- Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!
- Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава ее в веках!

Сталинград!

Крепость на Волге.

Город-легенда.

Город-герой.

Здесь люди стояли как скалы. Здесь жизнь победила смерть.

